

Андрей Добжанский

**Город
сломанных судеб**

Андрей Добжанский
Город сломанных судеб

«Издательские решения»

Добжанский А.

Город сломанных судеб / А. Добжанский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851834-8

В книге собраны истории обычных людей, в жизни которых ворвалась война. Каждый из них делает свой выбор: одни уезжают, вторые берут в руки оружие, третьи пытаются выжить под бомбежками. Здесь описываются многие знаковые события — Русская весна, авиаудар по обл администрации, бои за Луганск. На страницах книги встречаются такие личности, как Алексей Мозговой, Валерий Болотов, сотрудники ВГТРК Игорь Корнелюк и Антон Волошин. Сборник будет интересен всем, кто хочет больше узнать о войне на Донбассе.

ISBN 978-5-44-851834-8

© Добжанский А.
© Издательские решения

Содержание

Восточный регион	6
Князек	6
Карина	11
Профессия	16
Черные копатели	20
Противостояние	25
Дым революции	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Город сломанных судеб

Андрей Добжанский

Корректор Елена Полякова

Фотограф Николай Сидоров

© Андрей Добжанский, 2017

© Николай Сидоров, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-1834-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Восточный регион

*Осознать зло и не противостоять ему —
значит предать в себе человека*

Махатма Ганди

Князек

Маршрутка трусила по горячему летнему асфальту. Справа и слева подрастали подсолнухи, пшеница и какая-то ерунда, определить, что это не представлялось возможным. Может быть, клубника. Или свекла. Кто их знает, эти растительные культуры. Сергей смотрел в низкое окошко, пригнув шею, и жалел, что не разбирается в сельском хозяйстве. Хотя на кой оно ему надо...

Июньское солнце в полную силу жарило богатый донбасский чернозем. Приветливо и обнадеживающе синело небо. Словно лента в супермаркете, оно быстро прокручивало по себе насыщенные облака-товары. Степной ветер вовсю гулял за чертой Луганска. По полям ездили тракторы и «Камазы», из сторожек воровато выглядывали старики, будто сами что-то украли и справлялись, не за ними ли едет маршрутка.

Но маршрутка ехала в Красноград – один из районных центров области. В своих внутренних пространствах она везла разношерстную компанию из молодых людей, задорных девчушек, пожилых ворчунов и водилу-хохотуна. Последний говорил настолько громко, что заполнял собой, своими проблемами и шутками весь салон шаттла. Почему шаттла? Потому что маршрутка на ходу отбрасывала детали, как ступени космического корабля, и, судя по тарактению и напряжению, вот-вот готовилась вырваться из атмосферы.

Рядом с Сергеем дремал невысокий смуглый парень, волосы его были чернее смолы, напоминал он цыгана с крепким телосложением.

– Ты что на меня уставился, блондинчик? – Сергею было скучно ехать, он хотел поболтать и обратился к соседу. – Я с кем разговариваю, бешеный пес?

Дремлющий парень открыл глаза и с лютой ненавистью посмотрел на Сергея.

– Не тебя ли я видел на приисках Аризоны? Это ты украл добычу Джона и мою, блондинчик?

Чернявый снова закрыл глаза, пытаясь отдохнуть и уйти в себя.

– Блондинчик, ты зашел не в тот бар...

– Заткнись уже, достал! Дай поспать, – отозвался темный.

– Что это все так спать полюбили? Кому не позвони – все постоянно устали и спят. Что вы ночами делаете? Тебе сколько лет? На том свете отоспишься.

– Да бухал я вчера, – сквозь дрему ответил сосед.

– Хорошо, что меня не позвал, я ведь не люблю отдыхать с друзьями, – ответил Сергей и тихо добавил: – Козел.

– Я все слышал!

После холодной весны хотелось больше солнца и тепла, но автомобиль подавлял духотой, а форточку открыть или как-то проветрить было нельзя. Единственное окно работало у водителя, но тот постоянно курил и сигаретный дым портил впечатления от задувающего в салон солнечного ветра.

– Саня, нам еще далеко ехать? – спросил Сергей у чернявого.

– Отстань, я не знаю.

Сергей нисколько не обиделся. Он достал из кармана мобильный телефон и начал что-то в нем искать.

– Я недавно песню классную нашел, – рука с телефоном была уже возле уха Саши. – На, послушай.

Из динамиков, смешиваясь с гулом шаттла, начали играть быстрые барабаны, а затем добавились пронзительные завывания флейт. Цыган открыл наполненные яростью глаза. Он смотрела даже не на Сергея, взгляд его направлен был вперед. Судя по нему, Саша потерял смысл жизни. Или обрел его.

– Послал бог друга, – произнес он.

– Ладно, я, пожалуй, отдохну, – засмеялся Сергей и, довольный собой, притворился, что спит.

Красноград радушно встречал гостей обшарпанной стелой на въезде в город, буйными деревьями, запах цветов которых смешивался с прекрасным ароматом валяющегося на улицах мусора и помойки. Маршрутка проехала мимо мелких, словно зубы, домов, переехала небольшой мостик через высыхающую речку. Пройдясь по зигзагам улиц, пестрая компания оказалась на горке, где расположились одинокие многоэтажки, построенные совсем недавно. Въехав в один из дворов, колымага остановилась. Здесь уже собралась небольшая группка людей, ожидавших журналистов из областного центра.

Пассажиры желтой душной развалюхи начали выгружаться, операторы вытаскивали огромные сумки с камерами, корреспонденты хватали с собой треноги, бойкая группка молодых журналисток быстро отошла в сторонку и все разом жадно закурили. Пожилые акулы пера медленно вытряхивались из маршрутки, по их резким взглядам было понятно, что они вышли на охоту и сейчас тряхнут стариной, разомнут увядающие плавники.

– А куда мы приехали? – спросил один из них.

– В Красноград, на открытие спортивной площадки в новом микрорайоне, Павел Валеревич, – вежливо захихикала кураторша из обладминистрации.

Саня негромко сказал Сергею:

– Надеюсь, мы до такого не дойдем.

Подошла незнакомая, крепко сбитая тетка и всем раздала пресс-релизы. В них говорилось о том, какие местные власти молодцы, выбивают финансирование для разных программ, чтобы депрессивный город совсем не загнулся. На это мероприятие пришлось ехать, потому что такие «заказухи» от властей оплачивались отдельно и очень неплохо для местной прессы. И Сергею, и Александру осточертело сидеть в своих редакциях, они были рады прокатиться по области. Тем более, что Красноград был совсем недалеко.

Главных действующих лиц – депутатов-инициаторов строительства площадки, все еще не было. Сергей достал из рюкзака бутылку воды и немного попил, жара была уже ощутимая, еще не июльская, но уже сильная. Дал воды Сашке, тот с удовольствием осушил полбутылки. Ожидая прибытия отцов небольшого городка, они немного прошлись по холму, на котором рос жилмассив. Впереди до горизонта раскинулись поля, все они были разного цвета и перемежались длинными полосами деревьев. Рядом территорию захватывал бурьян – лопухи, полынья, дикорастущая трава.

– У тебя что нового? – спросил Сергей. – А то давно не виделись.

– Да ничего особо. Сказать, что все достало – ничего не сказать, – хмуро ответил чернявый.

– В чем дело?

– Знаешь, после окончания универа у меня как-то не появилась цель или смысл жизни. Проходят лучшие годы, а мы все батрачим за копейки в этой журналистике, будь она неладна.

– Саня, лучшие годы не проходят, они уже прошли. Теперь все постоянно меняется и мы боремся за выживание, чтобы не сдохнуть с голода. Но это не повод отчаиваться, ведь у нас есть алкоголь! Уныние – смертный грех, а об алкоголе там ничего не сказано. Вроде.

– Может и сказано, только я не читал.

– А зря, это же Книга книг... Я тоже не читал.

Недалеко от двора, окруженного многоэтажками, на пустыре привязанный ослик занимался своими бессмысленными в урбанистическом мире животными делами. Сашка обратил на него внимание, показал пальцем:

– Сейчас прикольнемся, – и окликнул своего оператора. – Витя! – махнул ему рукой, подзывая к себе. Тот подбежал с камерой на плече. – Пойди, вон, подними, – указал пальцем на осла.

Оператор послушно побрел в сторону животного, недалеко от него установил штатив, проверил баланс белого и начал снимать, как осел жуёт траву. Он искал интересные ракурсы, снял камеру, подлез под зверя и снизу фиксировал на цифру, как тот безразлично опускает голову и вырывает новый клочок травы. Словом, виртуоз и профессионал. Зачем в телесюжете об открытии детской спортивной площадки нужны кадры с ослом, он не думал. А ребята всю веселились.

Подъехал BMW, сразу было понятно, что холопы должны разбежаться при его появлении – тонированные стекла и крутые номера. Саша и Сергей обернулись. Из машины вышли несколько мужчин в костюмах, с трудом выпихнули свои тушки в проемы дверей. Все журналисты собрались, выстроившись как футболисты перед пенальти, возможно, операторы даже прикрывали пах. Мало ли, от депутатов можно ожидать всего.

Александр заметил, как лицо Сергея почернело, когда друг увидел одного из них, веселость товарища моментально выветрилась. Саша смутно помнил о неприятной ситуации, произошедшей не так давно между его другом и местным избранником народа.

Сергей пристально, издали смотрел на мужчину, выбирающегося из иномарки. Лицо депутата было довольно молодое, но уже успевшее пресытиться хорошей жизнью, о чем свидетельствовали свисающие щеки. В толстых пальцах тонули золотые печатки.

– Стоило остаться в редакции, – мрачно прокомментировал Сергей.

– Ладно, забей. Пойдем работать.

Все уже было готово для съемок. Операторы успели до приезда хозяев вотчины заснять площадку, детишек на ней, новые дома. Картинка вышла отменная. Теперь оставалось взять комментарии у депутатов. Сашка достал из сумки радиомикрофон, а Сергей – диктофон и фотоаппарат.

Ничего особенно интересного в этом не было. Стандартная часть, с которой приходилось сталкиваться каждому журналисту. Но часть эта также необходима, пусть и не столь интересна. Речи власть имущих можно писать, не выходя из редакции, в них ничего исключительно оригинального нет и все они одинаковы. Сколько денег потратили на площадку, сколько детей теперь довольны ею, какие депутаты молодцы, последнее отдали, родители со слезами благодарности целуют ноги благодетелей, которые на самом деле сэкономили на материалах, распилили деньги, занесли кому нужно. За внешнем фасадом добрых дел политиков зачастую есть, что скрывать. Кто-то пытается заработать на распиле, другие – загладить свои прошлые грехи и успокоить совесть.

Сашка помогал оператору возле маршрутки упаковаться. Обернувшись, увидел, как нервный Сергей, от веселости которого ничего не осталось, попросил сигарету у девчонок, стал в сторонке и курил. С удивлением, Саша увидел, как толстый депутат подошел к его другу и начал что-то говорить, они стояли далеко и слов было не услышать. Но с каждой секундой Серега чернел лицом еще больше. А толстяк будто разговаривал со старым другом, весело подхихкивал. В итоге, журналист резко повернулся, бросил сигарету в сторону чиновника. Он

не старался попасть в него, но внимательный наблюдатель заметил бы, как Сергею хотелось заглушить ее прямо о лицо этого уroda.

Проходя мимо Саши в маршрутку, он произнес:

– В следующий раз я себя не сдержу и влуплю ему, – и сел у окна в телеге.

Назад ехали молча, Сергей рылся в своих мыслях и воспоминаниях, которые возвращали его к одному человеку – Максиму Семеницкому. Последние полгода судьба сводила его с Сергеем так неуклонно, что журналисту было уже не смешно. Ему и с самого начала было не весело, а тут происходящее превращалось в фантасмагорию. «Эта свинья своим рылом влезла в мою жизнь! – думал Сергей. – Ничего, мы еще посмотрим».

Они вернулись в Луганск быстро, почти всю журналистскую шайку высадили в центре города, только престарелые акулы пера снова забыли где они и куда им надо. Еще не было трех часов, значит, надо было возвращаться в редакцию, домой ехать рано. Сашка видел, что Сергея одолевают тяжелые мысли, он предложил:

– Давай после работы встретимся, посидим в какой-нибудь пивнушке.

– Давай, – потеряно и безразлично ответил товарищ.

* * *

После жаркого дня, рабочих поездок, редакционной скуки всегда хорошо выпить пива с другом. Они встретились на летней площадке возле драмтеатра. Телеканал, на котором работал Саша, находился в центре, недалеко от этого места. Друзья заказали по стаканчику ровеньковского темного, взяли соленых орешков и сухариков. Нехитрый досуг луганской молодежи. Первый глоток пива летом всегда освежает и расслабляет, после него так и хочется жить.

– Что у тебя нового? – спросил Саша. – Как день прошел?

– Да ничего особенного. После поездки сегодняшней уже полматериала написал. Фотки немного поредактировал. Трудовые будни. Недавно виделся с Лизой, у нее новый ухажер, но он ей не нравится. Все как обычно.

– Понравится Лизе вообще дело мудреное.

– А ты как? Что у тебя интересного? – отпивая, спросил Сергей.

– Да, не спрашивай лучше. Быт заел уже. Хочется каких-то приключений. Как в университете, помнишь?

– Ага, самое счастливое время.

– Слушай, – посерьезнел Сашка, – что там в Краснограде произошло? Я помню, ты рассказывал мне про этого депутата, но, признаться, я уже забыл.

Сергей одним махом выпил полстакана пива, а затем уставился в зеленые дали, которые просматривались меж домами. Настроения у него совсем испортились, он очень болезненно реагировал на какие-либо конфликты и перебранки, будучи очень спокойным и веселым человеком. Однако иногда Сергей переставал быть похож на себя самого, становясь злопамятным, язвительным и агрессивным. Саша мог припомнить всего один момент, когда видел приятеля таким.

– Знаешь, чернявый, видимо, у каждого человека есть враги, – философски протянул Сергей. – Я всю жизнь старался и стараюсь избегать конфликтов. Но порой это просто невозможно, ведь есть какие-то принципиальные вещи, основополагающие. Ты меня давно знаешь и можешь подтвердить, что я никогда не говорил, что кого-то ненавижу. Так вот, Семеницкого я ненавижу.

– Что он тебе сказал в Краснограде?

– Какое это имеет значение? Слова были адресованы только мне.

– Да кто он такой?

– Кто-кто, осел на BMW и в пальто. Депутат тамошний и крутой бизнесмен. На самом деле он неплохо там сидит, его отец был крупной шишкой в областной прокуратуре, сынок тоже поднялся быстро и шустро. Золотая молодежь, мать их в дышло. Не то, что мы с тобой. Им все

можно. Я наводил о нем справки, в интернете есть много чего, с коллегами тоже пообщался. Он контролирует в Красноградском районе почти все. Одним словом – князек местный.

– Еще пива! – сказал Сашка проходившей официантке. – Так что между вами случилось? Из-за чего ты взъелся на него так?

– Странно, Сань, что ты не помнишь. Хотя... Я тебе не рассказывал всего, я ведь в себе все это переносил. Ты знаешь, есть вещи, которые не хочется рассказывать никому. Даже самому близкому другу и брату. У тебя тогда ведь тоже забот было полно. Не до меня тебе было.

Они замолчали. Александр не стал выпытывать и дальше беречь душу, просто рылся в памяти, вспоминая периоды в их жизни. Потом его осенило. Конечно! Что тут думать, дурак, зачем человеку надо было в душу лезть. Карина, конечно, дело было в Карине.

Карина

Каждая история любви по-своему уникальна. Первая детская и взрослая любовь – забываемы. Женщины, которых впервые полюбил, так или иначе присутствуют в твоей жизни.

Сергея Литвинов заканчивал университет, занимался написанием диплома, жил с родителями и не особо заботился о деньгах. Уже в июне, перед защитой, он отправился в Гагарино, где жил его дедушка. Деревня была большая, ухоженная, выпускник невольно сравнивал ее с европейскими поселками, в которых никогда не был. Село окружала высокая гряда холмов, рядом проходила железная дорога, с горы высокомерно наблюдали за людской суетой многовековые дубы.

Он приехал сюда отдохнуть, подумать, пописать стихи и зарядиться энергией. В деревне было тихо, в отдельной комнате ему никто не мешал. По утрам помогал полоть и поливать огород, кормил домашнюю птицу. В обед, когда дедушка ложился спать, он шел в свою комнату и писал стихи, читал современную литературу. Классику, за исключением Пушкина и Лермонтова, не очень любил. Ближе к вечеру Сергей выходил побродить по округе, он особенно любил холм, который разрезала железная дорога, взбирался на него, втягивая в легкие свежий вечерний воздух, и смотрел на запад – в сторону Луганска, который хорошо был виден отсюда.

Затем он блуждал, как огонек, среди деревьев. Много разных мыслей пронеслось в голове, думал об истории, о древности, о судьбах. В деревеньке на главной улице включался свет, доносился запах костров, детвора играла перед сном, молодежь собиралась в группки возле разваливающегося ДК. У Сергея были здесь знакомые, но последнее время он почти не видел их, потому что все разъехались учиться.

В один из вечеров он купил себе бутылку пива и устроился на лавочке в местном парке возле дома культуры. Рядом кипела жизнь, подростки выпивали, общались, смеялись, юноши приставали к девушкам. Сергей наблюдал за ними, прислушивался к разговорам. И вдруг его накрыла такая космическая тоска, такое чувство одиночества и утраты. Он осознал, что вот в этот конкретный момент уходит его молодость, что лучшее, возможно, позади, что он уже не соберется точно так же, как эта молодежь, со своими друзьями, начнется работа, семейная жизнь. Все изменится после защиты диплома. Ему захотелось завывать.

Неожиданно к нему подседа девушка. Летним вечером было еще не так темно, и Сергей смог разглядеть светлые волосы, симпатичную мордашку, курносенький нос.

– Привет, ты почему здесь один сидишь?

– Моих друзей сейчас здесь нет.

– Присоединяйся тогда к нам, чего скучать в такой теплый и ласковый вечер? – она сделала какое-то особое ударение на слове «ласковый». Или ему показалось.

– Я не любитель шумных компаний, – соврал Сергей.

– Ну, хорошо. Можем посидеть тут или прогуляться куда-нибудь. А то они мне надоели уже.

– Давай сходим на мост.

Там, над темной и манящей в странствия водой, они разговаривали, будто прожили вместе уже тысячу жизней. Каждую новую жизнь им приходилось узнавать друг друга заново. Встречи эти были прописаны самим Создателем. Ей было интересно узнать нового человека, она не так часто бывала в Луганске, училась в местной школе и собиралась поступать. Она хотела связать свою жизнь с кино.

– Актрисой хочешь стать?

– Ну, почему сразу актрисой? Режиссером, например. Или писать саундтреки для отечественного ширпотребя.

– Такие же отстойные, как и само современное кино?

– Наверное, а чего напрягаться? Заработала бы денег, – печально вдохнула она.

– Зачем сочинять хреновую музыку? Надо стараться, плохо оно и само получится.

– А у нас постмодерн, чем хуже – тем лучше... Или буду картины рисовать. Грудью.

Сергей попытался в темноте увидеть ее грудь под тонкой черной майкой. Он поблагодарил полную луну, бледным светом одаривавшую эту ночь, за возможность приоткрыть завесу тайны.

– Ну только если так. Но тогда в Луганске тебе делать точно нечего. Это надо ехать или в Харьков, или в Киев. А еще лучше – в Москву.

– Я так и сделаю. В таком порядке и посетю эти города. Потом буду приезжать в родную деревню с выставками, все буду думать: «Ах, какой талант взрастила эта земля!». Лет через тридцать напишу мемуары о своей богемной жизни и уеду в Европу, доживать свой век в неизвестности.

Они прогуливались по неосвещенным улочкам раскинутого села, взбираясь на холмы, глядя в ночную пустоту, убегали от собак с оскаленными пастьями, стояли под могучим дубом на берегу, под шелест листьев наслаждались душевным спокойствием и равномерным журчанием воды. Сергею казалось, что все гаджеты, компьютеры, автомобили, атомные станции и прочие достижения веков были только сном фантаста и провидца. Вокруг – гоголевская Диканька, скоро начнется Сорочинская ярмарка, к воде приковылял леший, чтобы посмеяться с водяным над людской суетой, в степи молодой казак по звездам и луне ищет нужный хутор, скачет, загоняя коня, чтобы явиться к своей ненаглядной.

Звук приближающегося поезда пришел задолго до появления составов в поле зрения. Это был грузовой, ехал за углем. Они смотрели на него с холма, поезд пролетал прямо под ними, создавая мощный поток воздуха. Раздался гудок, взметнулись проснувшиеся птицы. Стояла глубокая ночь. Сергей проводил Карину домой.

Он тогда даже не подозревал, что судьба надолго свяжет их. И любовь эта будет вспышкой радости, фейерверком страсти. Но любые яркие взрывы слепят глаза, и требуется время, чтобы восстановить ясный взгляд. А потом смотришь вокруг и понимаешь, что кроме вспышки ничего-то и нет больше...

Сергей защитил диплом на восемь баллов, то бишь на твердую четверку. Работал он с пятого курса, поэтому о грядущем трудоустройстве не волновался. Забот теперь осталось меньше, и жизнь представлялась парню безоблачной, радостной. И это надо было отметить. На выходных он вместе с Сашкой Хитальченко и еще несколькими приятелями отправился на озеро, гулянка вышла знатной, выматывающей, несколько дней потребовалось для восстановления безграничных возможностей молодого организма.

Летом город казался пустоватым, в городском и областном советах мало мероприятий, ничего интересного, у депутатов каникулы, они на морях прыгают бомбочкой в Азов или Черное, суется по бизнесу, придумывают очередные схемы по отмыванию денег, сдают друг друга, подключая прокуратуру и сливая информацию... Но летом... кому это интересно летом?

На фоне застывших общегородских событий, в жизни Сергея происходили изменения, которых он пытался избежать. В начале июля Сашка отравился во время очередной бессмысленной пьянки и попал в больницу. Собственно, не этого опасался его друг. В больнице Хитальченко познакомился с красивой медсестричкой и у них все завертелось. У Саши вообще никогда проблем не было с девушками, но тут особый случай получился, как оказалось. Начавшиеся с легкого флирта и легкого секса, отношения журналиста и медсестры быстро прикатились к легкому браку, который они назначили на начало сентября, чтобы не тянуть с таким изменчивым чувством как любовь и укрепить его официальным государственным штампом. Как реагировать на эти изменения Сергей не знал. Он чувствовал себя неудачником, потому что у него серьезных отношений и не было-то никогда. Литвинов знал, что так все и будет, пред-

видел перемены и избежать их не получилось. Еще одной неприятной, но вполне ожидаемой новостью был переезд его близкой подруги Алены в столицу на работу.

И потому маленький спокойный мирок отдельного человека начал трещать по швам. Сергей развлекался походами в бары, где постоянно встречал знакомых и не возвращался в родительский дом до поздней ночи. Перемены часто происходят именно к худшему. Вместо этого Литвинов предпочел бы вечный период застоя с понятными и предсказуемым «завтра».

В середине августа ему позвонила Карина, про которую Серега уже забыл, да и изначально не очень думал. Она откуда-то достала его телефон, наверное, узнала у бабушки или знакомых.

– Привет, – девчачьим звонким голосом сказала она из динамика в ухо. – Я в Луганске, у меня несколько часов свободных. Можем встретиться, если ты не занят.

Он был занят, писал материал о мошенниках, наживавшихся на тех, кто хотел поехать на море. Но встретиться ему очень захотелось. Все перемены с его друзьями кричали о том, что в его собственной жизни тоже должно что-то происходить.

– Да, я подойду часа через пол. Куда?

– В университет.

– Ага, понял.

Сергей встретил ее у одного из корпусов Восточноукраинского университета, самого большого высшего учебного заведения в Луганске. Она была в коротких джинсовых шортиках и белой рубашке, под которой виднелась серая майка. Улыбнулся.

– Ты чего здесь делаешь? – спросил он.

– Я поступать приехала. Вот ожидаю. В понедельник должен быть последний экзамен.

– А ожидаешь кого?

– Лаборантов или как их там? В общем, кого-то с кафедры.

Они прогуливались по дороге в сторону стадиона и храма. Карина внимательно осматривалась, постоянно спрашивала об увиденном вокруг. Это кафе, это еще одно кафе, это магазин велосипедов, букмекерская контора, какая-то ерунда, я там ни разу не был, еще одна тошнеловка, там я как раз часто бывал, когда учился, а в этом доме у меня друг жил, а в том дворе мы пары прогуливали и пили пиво.

– Да, – мечтательно протянул он. – Я только закончил, а уже снова хочу назад вернуться.

– А я вот в школу не хочу возвращаться, – призналась Карина.

– В школу и я не хочу, что там интересного-то? Универ – совсем другое время. Помни, это последние стабильные пять лет твоей жизни. Потом у тебя все будет постоянно меняться по независящим от тебя обстоятельствам.

– Ты на кого учился? Я даже забыла спросить, – она очаровательно улыбнулась и поправила просвечиваемые насквозь солнцем светлые волосы.

– Я на журналиста учился.

– Прикольно. А работаешь кем?

– Журналистом и работаю.

– Хм, странно. Интересно тебе работать, не жалеешь?

Они спустились в овраг стадиона, сели на теплые плиты, в стыках между ними прорастала трава, беговая дорожка была пуста, на футбольном поле играла малышня.

– О чем жалеть? Что сделано, то сделано. Мне нравится работать, много интересных людей встречаешь, масса интересных случаев происходит.

– Да, профессия крутая. Овеянная ореолом романтики.

– Не то слово. Однажды я пошел на какую-то скучную прессуху, ну пресс-конференцию, в Таможенное управление. Сидим мы в просторном кабинете, начальник одного из отделов отчитывается о работе, называет цифры всякие. И вдруг в дверь врываются несколько человек, кричат: «Всем оставаться на местах! Не двигаться!». Все в масках, с автоматами и в камуфляже.

На нас наставили оружие, а начальника отдела уложили мордой в пол, надели наручники. Зашел мужик в кожаной куртке, без маски, с рацией в руках. Она шипит, ему докладывают, он говорит, что объект взят. Ну, коррупционера они задерживали, если не поняла. За взятку вроде. Да только прикол в том, что в коридоре начинается какой-то шум, кипеш. Мужик в кожанке выбегает туда. Потом быстро возвращается и нашего таможенника отпускают. Выясняется, что они не того взяли. Я не знаю, как они так ошиблись. Но настоящий коррупционер просек, что происходит и попытался свалить по-быстрому. Только наткнулся на оцепивших все этажи автоматчиков.

– Весело у вас, я смотрю, – Карина слушала почти с открытым ртом.

– Да это не у нас, это в Таможне. Я потом материал класный написал о задержании.

Комментарий взял у ментов.

Сергей еще с первой встречи заметил, что она на него смотрит заинтересованно. После рассказанной истории глаза девушки горели, она требовала еще интересных случаев, просила поведать про работу журналистов. Литвинов умел интересно излагать, подсесть на уши, как говорится... Да только в отношениях ему все равно не везло.

Она приятно пахла цветами и медом, ему нравилось сидеть рядом с ней, нести ерунду, она часто смеялась, спрашивала и уточняла. Парочка прошла в большой супермаркет, находившийся через дорогу, купили кофе, Сергей закурил. По пути он встретил нескольких знакомых, пообщался с ними. Карине казалось, что он очень популярный и крутой журналист. Ей не исполнилось еще и восемнадцати лет. В этом возрасте все воспринимаешь обостренно, с максимализмом. Сереге и делать уже ничего не требовалось, чтобы она окончательно влюбилась в него.

Он не запомнил, что происходило дальше. Вечером, валяясь дома на диване, Литвинов думал только о ней, не заметив, как девушка прокралась и поселилась в его мыслях. Он все понимал, видел ее взгляды, сам пускал слюни по ее фигуре. Но он сдерживался. С той самой их первой встречи. И причина была только одна – он не верил в отношения, в любовь. Он не хотел перемен. Сейчас, оглядываясь на свой полуразрушенный из-за женитьбы Саши и отъезда Алены мир, Сергей думал, что пора попробовать пустить в него нового человека, раз уж перемены неизбежны. Пусть будет она. Она красивая и добрая, маленькая и наивная. И проблем с ней, наверняка, не оберешься. А вдруг она сможет восстановить утраченное равновесие и заполнит нарастающую пустоту?

В октябре они решили жить вместе, не говоря ничего ее родителям. Маме и папе Сергея пришлось все рассказать, потому что они заметили бы долгое отсутствие сына и начали бы что-то подозревать. Сложно не заметить отсутствие целого человека в квартире. Карина только месяц прожила в общежитии. Квартиру сняли рядом с университетом, в районе Восточного рынка. Совместная жизнь оказалась чрезвычайно интересной, она показала новые грани счастья в жизни человека. Им нравилось друг с другом, бытовые проблемы начались лишь через полгода. Но, несмотря на них, парочка все еще наслаждалась. Они весело проводили время, осень выдалась очень романтичной. Вечерние прогулки по длинным желтым улицам, под опадающей листвой и аккомпанемент далекой теплой музыки, утренние посиделки на лавочках возле университета, дождливые дни с теплым чаем и приятным дымом сигарет.

Сергей с каждым днем любил ее все больше, растворялся в ней, мысли его возвращались всегда к Карине. Она пыталась учиться, завела много знакомств в вузе, иногда ходила в клубы, пока он работал. И вроде жили душа в душу. Он не хотел замечать, что разговор все чаще сводился к деньгам, которых не хватало. Не катастрофично, но постоянно. Этот вопрос разрушил многие молодые семьи, вбил клин в тысячи крепких отношений. К сожалению, на зарплату молодого журналиста трудно прокормить себя, не говоря о других.

И тихое счастье превратилось в постоянное высасывание и требование денег со стороны Карины. Она хотела познать все стороны жизни, причем, не бедной, увидеть мир, быть

не хуже других девушек, ездить за границу несколько раз в год, а он писал свои статейки, мотался в командировки, время от времени посвящал ей четверостишия. Со временем она заставила его чувствовать себя ничтожеством. Обычно веселый, даже во время черных полос в жизни, Сергей теперь находился в глубокой депрессии. Парень начал искать более высокооплачиваемую работу, пробивал по немногочисленным связям теплое местечко где-нибудь у кормушки... Но суетиться было уже поздно. Карина оказалась не такой простой и искренней, какой рисовалась она в замыленных глазах Литвинова, она добилась своего. И нашла себе богатого ухажера, которым оказался молодой бизнесмен Максим Семеницкий.

Сергея до последнего пытался исправить их отношения, но конкуренции «с мешком денег», как он говорил, не выдержал. Домой вернулся поверженным рыцарем любовных баталий. Его уничтожили, и тогда он повзрослел и понял, как устроен мир. Ему стало тошно и несколько дней он не появлялся на работе. Уехав в деревню к дедушке, он пил в одиночестве. Тогда он возненавидел этого Семеницкого Максима Викторовича. Закончив пьянствовать, он попытался найти его, чтобы разочек съездить ему по морде, хотя это уже ничего бы не изменило. Но случайно от общих знакомых узнал, что Карина с перспективным предпринимателем больше не отдыхает, он ее использовал и выкинул. В тот момент немного повзрослела она, однако в отличие от Сергея не стала злоупотреблять алкоголем, заменив спиртные напитки многочисленными партнерами. Каждый снимает стресс как может.

Для молодого газетчика весь мир стал унылым и отвратительным. С тех пор мало что радовало. Он постарался оставить все в прошлом, ненавидя себя за бедность, ее – за корысть, Семеницкого – по факту. Так закончились его первые серьезные отношения, первая взрослая любовь. Так она заканчивается у многих, и работники прессы не исключение.

Профессия

Друзья сидели во дворе Сашкиного дома. На площадке веселились дети, играли в догонялки, иногда матерились, не обращая внимания на взрослых, наступал тихий вечер, со стороны трассы за многоэтажным домом доносились звуки пролетающих машин, цивилизация не давала забыть о себе, из окон общежития кричали в пьяном угаре студенты. Серега и Сашка через силу цедили слабоалкоголку, рассказывали смешные истории и вспоминали прошедшие в университете годы.

Хитальченко был мрачнее, чем Grumpy Cat. Без сомнений, его тревожили мысли о чем-то. Сергей видел, но не спрашивал в чем дело. Пусть друг созреет, сам расскажет. Выбросив очередную бутылку в урну, Саша произнес:

– Серый, я решил уйти из журналистики. Увольняюсь с телеканала.

Сергей опешил, новость его огорошила и первые несколько секунд он пытался переварить информацию.

– Уйти? Почему?

– Да потому! Потому что на зарплату хрен проживешь. Устал от этого. Еще Настя недовольна постоянно, требует, чтобы больше зарабатывал. А сейчас попробуй найти нормальную зарплату.

– Моя Карина... ну, в смысле, когда я с ней встречался, тоже постоянно ныла, что денег не хватает. Видите ли, с милым в шалаше только неудачницы живут. Потом нашла себе... Саня, забей на все, не слушай никого. Журналистика – это твое. Я видел твои репортажи и сюжеты, тебе не стоит бросать эту работу.

– Я и не слушаю. Не обижайся, но я немного жестче тебя и не позволю бабе собой помыкать... Только сам понимаю, что дальше – тупик. Здесь в Луганске я не поднимусь по карьерной лестнице, только если повезет. Это надо в Киев ехать. Но там и своих хватает.

– Может и так. Тут карьерный рост только контрабандисты имеют.

– И гомики. Причем, на любой работе.

Ребята засмеялись.

– Меня окончательно добило решение руководства нагрузить меня еще работой, – сказал Хитальченко. – И хрен бы с ней. Но платить за дополнительную нагрузку они не собираются. Говорят, мол, опыт получишь. За что я жить должен никто не думает?

– Да, опытом сыт не будешь.

– Ага, ореол романтики в нашей профессии рассеивается, когда нечем платить за квартиру.

Они посидели еще немного и разошлись. Сергей побрел по улице в сторону центра, обходя ямы на тротуаре, заделывать их власти не спешили. Он шел и думал о том, что все в нынешней жизни упирается в деньги, что именно они являются мерилем успеха, ну и число подписчиков и друзей в социальных сетях. Возможно, так и надо. Мир имеет удивительное свойство постоянно меняться, при этом оставаясь неизменным по сути. Золотой телец испокон веков правит людьми. Да и черт бы с ним. Конкретному человеку что делать, когда из-за денег рушится семья, когда бедность превращает в замкнутого изгоя или толкает на бандитский путь?

Литвинов проходил мимо дома и будто впервые заметил большую табличку «Квартира-музей писателя Владислава Титова». Это был один из любимых авторов молодого журналиста. Повесть «Все м смертям назло» дышала невероятной силой, показывала несломленный дух человека. Наверное, только в советское время человек без рук мог стать писателем и заново найти свое место в жизни, мог не бояться быть брошенным на произвол судьбы.

Сергей дошел до остановки и сел в автобус, который быстрыми прыжками через ямы и кочки, будто блоха, понес его домой. Он смотрел на ночной город, замечая в окнах силуэты людей, сколько судеб и сколько драм скрывали эти окна. И большинство проблем сводились к деньгам. Выпившие компании шатались по центру города, курсируя от одной летней площадки к другой. Город наблюдал за течением этих мелких жизней, жалея их, но не имея возможности повлиять на свой народ. Чем можно измерить величину человека?

Домой отчаянно не хотелось. Резко вскочил с места во время остановки, выйдя на рынке. Взяв в киоске бутылку пива, парень побрел через парк в сторону эстакады. Сергей часто погружался в воспоминания, любил бродить в это время по городу, с которым чувствовал родство, ощущал, как его укрывают добрые тени многоэтажек, растворяя в себе и давая защиту. Пиво он не открывал, потому что на улицах уже запретили распитие алкоголя. Однако были места, в которых еще можно было это сделать. И заодно полюбоваться городскими пейзажами. Сергей пришел к памятнику, который находится возле мэрии и перед эстакадой, оканчивающейся железнодорожным вокзалом. На этой площадке издавна собирались неформалы и рокеры, у постамента по ступенькам прыгали скейтеры, чуть ниже молчали одинокие эмо, которых оставалось все меньше и меньше. На лавочках сидело несколько больших компаний, которые не стеснясь пили и шумели. Милиция иногда, конечно, подходила сюда, но благодаря открытому пространству патруль было видно издали, поэтому все успевали попрыгать бутылки и, по возможности, дыша через уши, притвориться трезвыми.

Став подальше от всех, Литвинов открыл бутылку и сделал глоток, после которого сразу скривился. На душе было паршиво. Он забрался на скамейку, стал в полный рост и смотрел вдаль, до горизонта блестели огоньки домов и фонарей, можно было разглядеть движущиеся машины, носившиеся по холмам и вертикальным улицам Камброда. Когда-то в этом районе Луганска родились дедушка и бабушка Сергея, его мама, там жили много троюродных братьев и других родственников, которых он видел редко.

Ему не нравилось решение Сашки поменять не только место работы, но и сферу. Именно Хитальченко начал первым из них работать еще вовремя учебы на четвертом курсе. Сначала он стажировался на одном телеканале, где журналистов любили смешивать с грязью, выделяя им вместо зарплаты сущие копейки. Затем перешел на другой канал, быстро учился и делал неплохие репортажи в новостной блок. Совсем недавно Сашка стал писать длинные сюжеты в итоговую программу, которую показывали по воскресеньям. Сергей знал, что его другу безумно нравится все это и, если бы не обстоятельства, он ни за что не бросил бы работу. Сам Литвинов, поборов врожденную стеснительность, набравшись уверенности, на пятом курсе устроился корреспондентом на один из сайтов. Саша был первопроходцем, его уже знали в этой касте. И теперь он из-за денег уходил из журналистики. «И это, наверное, закономерный итог в нашей профессии», – подумал Сергей.

* * *

– Здорово. Как дела? Че не звонишь? Как работа? – голос Хитальченко прерывался, связь барахлила.

– Привет. Да денег на счету нет. Все никак не пополню. Дела нормально, приболел только. У тебя как жизнь? Что там с работой?

– Плохо, что болеешь, выздоравливай. Да у меня все нормально пока. Заступил в смену, вот уже несколько выходов было. Когда Жека говорил, что работа трудная, я зря не поверил.

– Тяжело? Какой у тебя там график? Когда встретимся? – спрашивал Сергей.

– График – два через два. В понедельник полдня отработал, пришлось отпроситься, потому что глаз болел. Вчера выходил отрабатывать. Ну, тяжело, но должен втянуться. Вообще, конечно, многие не выдерживают. Вчера буквально одну девочку до истерики довели, рыдала как белуга.

– Почему? Я смотрю, весело у вас там.

– К нам звонят разные люди просто, в этом все дело. Меня одна в первый день выхода так довела, что я сам чуть не разрыдался. Была бы рядом – огрел бы стулом по спине эту сволочь.

– Ну с людьми всегда тяжело работать, – хмыкнул Сергей.

– У меня такое чувство, будто они считают, что у нас тут есть две кнопки. Зеленая – выплатить им зарплату, а красная – скоммуниздить деньги. Вот я сижу и играюсь, по их мнению, этими кнопками.

– Надо будет позвонить тебе и довести до слез. Буду говорить: «Блондинчик, где моя карточка, чувак!» – рассмеялся Серега.

– Меня не доведешь, у меня психика крепкая. Я даже с той козой разговаривал спокойно, хотя и закипал весь внутри. Многие из наших орать в ответ начинают на клиентов, но, как правило, долго они не работают. Все звонки записываются.

– Ну ты держись. Есть такой прием психологический, если задолбали клиенты и ни хрена не объяснишь им, то просто повторяй одно и то же.

– Вообще я очень даже понимаю людей, которые к нам звонят, – вздохнул Сашка. – У меня вот есть две карточки. Одну давно сожрал банкомат, а вторую я сделал, когда поступил на работу сюда. Так вот, сегодня скинули первые бабки и, прикинь, они пришли на карту, которую захавал банкомат. Вот как? Я же спрашивал, когда оформлял карточку, куда деньги будут поступать. Мне ответили, что на новую. Ну я по интернету перекинул деньги со старой на эту. Но многие же, особенно старики, не умеют этого делать.

– Так ты первую зарплату получил? Надо обмыть!

– Мне только за обучение пока скинули. Обещают неплохие деньги. Просто у нас предусмотрено много штрафов. Опоздал на работу хоть на минуту – штраф, вышел в туалет и был там более пяти минут – штраф. Обед вместо тридцати минут идет всего двадцать. Значит, ешь ты такой и вдруг понимаешь, что уже оштрафован. И это я назвал первое, что вспомнил. А так там за каждый косяк деньги снимают.

– Да, строго у вас там все. Прямо тоталитарная система.

– Это писец. Здесь полностью электронный контроль, все фиксируется. Сказал что-то не по шаблону клиенту...

– Штраф! Да я понял уже, заткнись! – захохотал Литвинов.

– Зато когда втягиваешься, работаешь уже на автопилоте. Я вот потихоньку привыкаю, хоть и диковато это все. Но есть возможность хорошие деньги заработать. Ребята поднимают и четыре, и пять штук. Ставка плюс звонки.

– Классно, что есть ставка.

– Ага, а звонки непрерывным потоком идут. Чем быстрее обслужишь клиентов, тем больше зарабатываешь.

– Это хорошо, но режим у вас жесткий.

– Поэтому и текучка большая, люди не выдерживают, всего месяц-два и увольняются. Тут нужен особый склад психики.

* * *

Но Сашка долго не выдержал, проработал два с половиной месяца и ушел оттуда. Нервное напряжение было слишком высокое, постоянно выматывали люди, которым нужна консультация. Многие звонили поругаться. И постоянно в трубке звучали обезличенные голоса, отдававшие свой заряд негатива.

С зарплатой и перспективами карьерного роста вышло не все так радужно, как обещали. Заработать нормальные деньги с таким обилием штрафов оказалось невозможно. Тех, кто получал по пять тысяч было пару человек, а в колл-центре трудились несколько десятков сотрудников. Очередное застойное болото.

Еще пару месяцев Сашка пробовал себя в разных профессиях и сферах – охранник, сторож, грузчик, продавец-консультант, менеджер по салфеткам, супервайзер в зоопарк, бармен

в доме престарелых... У него голова шла кругом, ощущение мира стало фантазмагорическим, он мог поклясться, что все указанные вакансии существуют.

В начале осени друзьям удалось снова встретиться в знакомой компании. Они сидели в пиццерии и традиционно отмечали первое сентября, хоть давно окончили все учебные заведения. Как и в старые добрые школьные времена неизменно пили водку. Компания понимала, что тут важны традиции и не могла их нарушить. Правда, раньше все по дворам и подъездам сидели, а теперь, пусть и редко, но могли позволить себе отдохнуть в более-менее приличном месте.

Сергей и Саша вышли покурить.

– Я возвращаюсь, – заплетающимся языком сказал Хитальченко.

– Мы же только вышли на свежий воздух, – не понял поддатый Литвинов.

– Не-е-е. Я в журналистику возвращаюсь. Меня уже пообещали взять на телеканал.

– А, да. Ты же уходил куда-то...

– Я счастья уходил искать, – философски ответил Сашка. – Но в деньгах счастья нет.

Оно – в любимом деле, в пользе...

– В Польше? Давай туда махнем тогда, – нес пьяную чушь Серега. – Нас там примут...

– Да не в Польше, а в пользе, которую приносит человек своей работой.

– Настя тоже так думает? – слегка язвительно заметил друг.

– Да она успокоилась малость.

– Женщины...

Черные копатели

Настала чудесная пора, очей очарование. Деревья стали готовиться ко сну, отбрасывать увядающие листья на радость дворникам. Но сентябрь баловал теплой погодой лишь пару недель, после которых степные ветра ворвались в город, принеся дождевые тучи, готовые разродиться многолетним ливнем, как в Макондо. Сергей наслаждался запахом, какой обычно бывает перед дождем. Ему не хватало рядом девушки, с ней он мог бы коротать вечера, которые постепенно отбирали время у дня. Ему не хватало Карины.

Начался сезон дождей. Город преобразился, избавившись от назойливой пыли, наполнившись запахом озона. Мокрый асфальт отбрасывал блики, отражал цветные картины насыщенной жизни города. Литвинов каждое утро, специально забывая дома зонт, ехал на работу под звуки панк-рока. Обычно он слушал более мелодичную музыку, но сейчас уши требовали непрерывной игры барабанов. «Надо потом будет скачать африканское что-нибудь», – думал Серега.

В редакции парень выпил утренний кофе для бодрости, поболтал с девчонками и погрузился в работу, мониторя бездонную всемирную паутину в поисках темы для нового материала. Через полчаса его позвал главный редактор.

– Тут тема одна нарисовалась. Насчет копанок. Звонил нам один пожилой активист. Оксюморон, но в нашей жизни все возможно. В общем, созвонись и разберись. Может что интересное будет. Вот его контакты.

Сергей переписал телефон и адрес электронной почты пенсионера по имени Геннадий Васильевич Худобин, который возглавлял клуб рыболовов «Карп». Позвонил, намереваясь узнать, стоящая ли тема для материала. Они поговорили, пенсионер пообещал подробно все показать и рассказать на месте. Ну, ладно. Сергей сказал шефу, что едет по работе. Путь предстоял в знакомый и нелюбимый Красноград, вернее, в село под ним.

Воздух был свежий, насыщенный влагой, асфальт уже успел подсохнуть, но на землю лучше было не ступать – увязнешь. Журналист проверил сумку. Там покоился неизменный набор «юного корреспондента» – блокнот, диктофон и фотоаппарат. После этого пошел на остановку и поехал на автовокзал, где купил билет на маршрутку до Краснограда. Дорога была быстрой, солнце не докучало, музыка приятно стучала в барабанные перепонки.

Копанка – это нелегально вырытая шахта, в которой добывают уголь или другие полезные ископаемые. Поскольку Донбасс является угольным краем, здесь они широко распространены. Люди, которые добывают уголь таким образом, сильно рискуют жизнью, потому что часто случаются обвалы земли. Однако мужики все равно идут работать, в селах и районах нормальной работы мало, в легальные шахты устроиться довольно трудно. Милиция постоянно рапортует о том, что прикрыта очередная нелегальная выработка. Но возникают новые. Копанки не только опасны для самих работников, но они приносят вред и окружающей среде, мешают жителям села, возникает опасность провала в земле.

На последней перед Красноградом остановке Серега вышел из маршрутки. Его уже ждал невысокий, но крепкий седой старичок с доброй улыбкой. Они сразу узнали друг друга.

– Здравствуйте, – сказал журналист. – Ну что, где копанка?

– Пойдем, сейчас все покажу да расскажу.

Они пошли виляющими улицами мимо заваливающихся домов, иногда встречались неплохие, зажиточные коттеджи. Легко моросил дождь. Вышли к большому пруду.

– Раньше здесь был питомник, а также казацкое поселение, – рассказывал Геннадий Васильевич. – Мы с единомышленниками собрались и создали общество рыболовов. Наша цель – возродить городскую зону отдыха. Нам навстречу даже пошел мэр Краснограда. Мы выиграли проект, нам выделили 50 тысяч гривен на создание сказочного городка на городском пруду.

Начали обустривать городской ставок, люди приходят сюда отдыхать, ведь до Донца тридцать километров, а покупаться всем хочется.

Худобин рассказал Сергею, что в воскресенье увидел на вершине одного из холмов работающий большой желтый экскаватор. Пенсионер позвонил товарищам, которые приехали посмотреть.

– Оказалось, что там на бугре вторая вентиляционная сбойка шахты, которую закрыли в 1973 году, – рассказывал Геннадий Васильевич. – Там уклон более 200 метров, под углом 30 градусов. А пласт угля находится как раз под городским ставком. Если черные копатели начнут добывать уголь, будут пересечены родники, а значит, исчезнет и водоем. А ведь это место официально объявлено зоной отдыха. Но всем плевать. Вот я и обратился в газету вашу. Может хоть так удастся изменить ситуацию.

Литвинов шел и записывал слова Худобина на диктофон, попутно делая фотографии водоема, холма и природы. Да, тут было действительно хорошо. Все портила непогода. Было бы лето, с удовольствием искупался. Вода в пруду чистая, десятки жителей приходят насладиться выходным днем в этом месте. Рядом живописные холмы и поляны, зеленеющие летом. Даже сейчас, в начале октября, журналист и пенсионер заметили компании, приехавшие на шашлыки. В десятке метров от берега Литвинов заметил сказочный городок для детей, где можно было разглядеть маленький декоративный театрик под соломенной крышей, избушку на курьих ножках и известных сказочных персонажей.

Сергей и Геннадий Васильевич месили грязь, стараясь наступать на выцветающую траву, пересекая образовавшееся после дождей болото, с трудом по такой дороге забрались на возвышенность и увидели штрек, закрытый в далеком 73-ем году. Вокруг – горы земли и глины. На мокрой грязевой дороге видны следы от гусениц экскаватора, избородившего окрестную территорию. Прямо у них под ногами оказался огромный, в несколько метров глубиной, вырытый копателями котлован. Картина впечатляла, ведь все это сделали за один день.

– Ты понимаешь, я хочу для детей сделать место хорошее, для жителей. Надо почистить и оживить родники, чтобы была естественная живая вода. Вон тот берег надо деревьями засадить. После распада Союза все постепенно в упадок приходит. А я так хочу остановить это, сделать доброе дело. Хотя бы на этом клочке земли.

Они обошли округу, болтая еще о вреде копанок, Сергей мало знал о них, поэтому внимательно слушал, а иногда писал на диктофон то, что могло пригодиться в материале. Вся нужная информация была собрана и можно было ехать в редакцию. Или домой. Время уже – половина четвертого. Журналист попрощался с Худобиным и вовремя оказался на остановке, маршрутка как раз подъехала.

Тучи собирались в очередной раз плеваться в людей дождем. На душе было зябко, а на улице – отвратительно. На ботинки огромными кусками прилипла грязь, неудобно в таком виде показываться на людях. Сергею понравился старик, он был искренним и добрым. Современные люди сейчас совсем другие, у них иные ориентиры и критерии успеха. А Геннадий Васильевич еще из того поколения, которое больше всего ценило работу, не могло сидеть без дела. Несмотря на свои годы, нынешние пенсионеры – люди действия, а молодежь ведет малоподвижный айфонный образ жизни. В самом разгаре мода делать селфи. Серега смотрел на природу, независимую и гордую, постоянно унижаемую и уничтожаемую человеком. «Лучше бы деревья и озера фоткали, чем свои противные рожи», – думал он.

Худобину надо постараться помочь. «Сделаю все, что в моих силах», – решил парень. В наше время на справедливость и помощь государства рассчитывать очень наивно. Система защищает, прежде всего, саму себя. Достучаться до начальников сложно, если ты простой человек. Но если журналист, то есть шанс. Может быть поэтому многие приходят в эту профессию – менять мир вокруг себя в лучшую сторону. Пусть звучит наивно, но в университете Сашка и Серега мечтали именно об этом. Писать резонансные материалы и принуждать чиновников

выполнять свою работу (именно так) – чинить дороги, обустраивать школы и детсады, покупать оборудование в больницы. Реальность оказывается жестче наивных фантазий, романтический налет быстро проходит, но возможность, функция у журналистов все же остается. Многие ненавидят корреспондентов, обвиняют в пропаганде и вранье. «Пусть так. Наверное, это заслуженно, – размышлял Литвинов. – Но если удастся спасти этот несчастный ставок, то я не зря всем этим занимаюсь».

Он приехал домой, включил компьютер и собрался было поработать, но мама заставила его чистить грязные ботинки.

– Ну мам! Мне почти двадцать пять лет...

– Какая разница? Должна быть чистота!

После этого наказания, Сергей все-таки добрался до компьютера, скинул всю собранную сегодня информацию в папку, которую назвал «Черные добытчики». Затем включил редактор для обработки фотографий, на которых не везде получилось хорошее освещение. Он менял насыщенность и освещенность, добиваясь нужного качества снимка. Раньше этого делать не требовалось, но с недавних пор черно-белая газета, в которой работал Литвинов, стала цветной. Поискав немного в интернете, записал в блокнот некоторые телефоны чиновников, как районных красноградских, так и луганских. Если что, в редакции можно у коллег спросить и личные номера.

На следующий день Сергей сделал все необходимые звонки, чтобы помочь в решении вопроса о незаконной выработке угля. Взял по телефону комментарий у заместителя мэра Краснограда:

– У нас есть специальная выездная группа, которая занимается такими вопросами. Обращения случаются время от времени. Вообще-то, ставок – это территория района, а не города. Но спасибо за звонок и информацию. Сейчас напишем письмо в райадминистрацию и в прокуратуру. Проведем рейдовый выезд и зафиксируем.

Действительно, в среду выездная группа прибыла осмотреться на месте. В результате был составлен акт о правонарушении, после чего документы должны были передать в соответствующие инстанции для реагирования. Движение, чтобы не допустить уничтожение водоема, началось. Появилась надежда, что нелегальным разработчикам недр не удастся осуществить свои незаконные планы.

Сергей написал хороший материал, который заканчивался так: «Инициативных и неравнодушных жителей хватает. Работа потихоньку, но делается, территория становится лучше. Вопрос в том, продолжится ли положительная тенденция в развитии отдыха в шахтерском городке. Не погубят ли черные копатели все благие начинания? Получается, что в нашей стране любой может прийти и делать то, что ему заблагорассудится. Власти Краснограда и района постараются пресечь незаконную коммерческую деятельность. И, будем надеяться, что у них это получится».

Журналист был доволен, материал вызвал небольшой резонанс в обществе и властных кругах. Хотя информация о незаконных копателях периодически появлялась, но тут дело было, фактически, в экологической катастрофе локального масштаба. В общем, на душе у Сергея было хорошо от проделанной работы.

Тем сильнее удивил его звонок от Худобина через несколько дней. Чувствовалось, что голос пенсионера возбужден, слышалось негодование:

– За статью – спасибо. Сергей, но ведь работы продолжают! Вон экскаватор на холме, машина ездит. Как же так?

– Вы, Геннадий Васильевич, успокойтесь сначала. Да, ситуация паршивая... Ладно, разберемся. Вы наблюдайте, а завтра я снова приеду.

К сожалению, обращение в официальные инстанции, к мэрам и их заместителям не всегда приносит желаемые результаты. Особенно, когда речь идет о больших деньгах и незакон-

ном бизнесе. Литвинов чертыхнулся. «Наивный дурак. Что ты можешь изменить? Видимо, акт не дошел ни до прокуратуры, ни еще куда-то там», – злобая улыбка скривила его губы.

И что теперь делать? Злоба сменилась ощущением бессилия. Серега был растерян. Он вышел в курилку и задумчиво смотрел на страдающий под скорострельным огнем ливня карниз, выпускал колечки дыма, несколько раз заваривал кофе. И сквозь нарастающую апатию и разочарование к нему пробилась отличная мысль. Его материал о той копанке был эксклюзивом, про это никто больше не написал. Следовательно, надо сделать так, чтобы обратить на эту проблему внимание как можно большего числа СМИ. И начнем, конечно, с чернявого цыганенка.

– Привет, братишка! Хочу тебе одну тему подкинуть для новостей, – позвонил Сашке. Кратко изложил приятелю суть проблемы. Тому идея понравилась, они договорились завтра вместе поехать к Геннадию Васильевичу и заснять копанку. Это было удобно, потому что для таких вещей на телеканале имелась служебная машина.

Собрался целый десант, состоящий из двух журналистов, оператора и водителя. По дороге Сергей подробно рассказал о своей первой поездке сюда.

– Ну, тут сложно все, сам понимаешь, – сказал Саша. – Помимо официальных властей есть неофициальные. Или это вообще одни и те же люди. Ну посмотрим. Во всяком случае, сюжет должен получиться интересный.

Но они получили даже больше, чем ожидали. Приехали к Худобину, который очень обрадовался такому большому количеству людей.

– Надо было сразу телевизионщиков звать, – рассмеялся он. Фраза немного кольнула самолюбие Сергея. Затем Геннадий Васильевич продолжил. – Вам повезло, экскаватор сейчас работает, слышите шум?

Ребята переглянулись – сейчас начинается самое интересное. У каждого из них промелькнуло в голове, что это настоящая журналистская удача.

– Туда можно как-то подъехать на машине? – спросил Сашка.

– Да, там накатанная дорога есть, со стороны трассы, я покажу.

Все загрузились в автомобиль. Водитель развернулся и направился назад, в сторону Луганска, как показал Худобин.

– Надо перекрыть дорогу машиной, чтобы экскаватор не смог выехать, – сказал Саша водителю. – Тогда у нас появится шанс заснять их, а может даже задержать.

– Тогда надо позвонить в милицию. Пусть реагируют! – предложил Сергей, после чего достал мобильник и вызвал правоохранителей. – Сразу бы взяли ментов.

– Да, тут мы лоханулись.

Вышли из авто недалеко от вырытого котлована, машину поставили поперек накатанной дорожки. Оператор настроил камеру, вскинул ее на плечо, Серега достал фотоаппарат. Для ничего не ожидающих рабочих появление журналистов оказалось настоящим кошмаром – из-за лысеющих кустов выбирается компания с камерами, микрофонами и уверенно направляется к ним. Сашка понял, что экскаватор скрылся чуть раньше их приезда, видимо, почувствовал неладное. Быстрее всех в нестандартной ситуации сориентировался «надзиратель», типичного вида бандит из 90-х годов, в черной куртке и спортивных штанах. Он не стал кидаться с кулаками, а ловко запрыгнул в «девятку», завел мотор и собрался уезжать.

«Тебя ждет небольшой сюрприз», – подумал Хитальченко. Однако, к его удивлению, машина поехала не в сторону трассы, а в посадку. Через несколько секунд авто разогналось, не обращая внимания на ухабы и неасфальтированную дорогу, скрылось среди деревьев. Гнаться за ним уже не было смысла – и оператор, и Сергей засняли номера машины. Если милиция проявит расторопность, то автомобиль быстро найдут.

– Зачем же вы природу портите? – обратился Литвинов к мужикам, которым было лет по пятьдесят, вид у них был потрепанный и являлись они, скорее всего, местными забулдыгами, которым нужны были деньги.

На удивление оперативно подоспели милиционеры, не зря Сергей сказал, что является журналистом. Они-то и задержали трех работяг. Журналисты пообщались с правоохранителями, которые их хотели по-тихому сплавить. У Сашки создалось такое ощущение.

– Нет, подождите, – сказал он. – Мы засняли и главного у них тут, есть его номера. Почему вы этим не интересуетесь? Объявляйте план «Перехват» или как там у вас. Давайте, хватит на казенные деньги...

Милиционеры посмотрели на наглого парня обалдевшими глазами. Один из них явно собирался что-то сказать, но старший одернул его.

– Да, сейчас все сделаем. Поехали в отделение.

– Конечно, поехали. Секунду. Надо снять картинку. Серый, дай мне комментарий, как очевидец, расскажи, что произошло. Да не там. Вон напротив ямы этой стань. Вот.

Установили видеокамеру и Литвинов кратко и четко поведал о случившемся ранее, предыстории конфликта и сегодняшней поездке. Он не первый раз появлялся в сюжетах друга и привык выступать в роли прохожего или недовольного жителя.

В милиции все участники этого небольшого приключения дали показания, рассказали об увиденном, Сергей поделился фотографиями с запечатленной машиной. При этом капитан узнал авто и усмехнулся.

Худобин пригласил проголодавшуюся команду к себе в домик. Парни, конечно, согласились. Жилище было снаружи небольшим, но внутри просторным. Советские серванты, скрипящие кресла, черно-белый телевизор. Халупке требовался основательный ремонт. Компания уселась за стол, пока Геннадий Васильевич делал чай.

– Да, хороший выезд. Классную тему подкинул, – Саша остался доволен поездкой и в предвкушении отличного телесюжета потирал руки.

– Посмотрим, что мы сможем изменить.

– Да ничего, – хмуро отозвался престарелый водитель. – Первый раз что ли такое.

Но ребята не обратили на его слова внимания, они были в предвкушении, если не чего-то великого, то значимого – точно.

– Старший у них ловкий оказался, – посетовал Сергей. – Быстро улизнул. А мог бы и в драку кинуться. Или передавить нас на своей «девятке».

– Тогда это уже какой-то боевик был бы.

– Интересно, кто у них крыша?

– Крыша-то? – отозвался принесший чай и сладости Худобин. – Так он всем известен. Есть такой тут – Семеницкий. Царек местный.

– Что? – не поверил ушам Сергей.

– Да бизнесмен один, он много чем занимается, нелегальным бизнесом в том числе. Не только в Краснограде, но и в районе. Это все знают, в милиции, в администрации. Но у него на уровне области все схвачено, поэтому не трогают его.

– Саня, пойдем покурим.

Противостояние

Они вышли из теплого дома в прохладу осени, хмурыми тучами встретившей их. Уже вечерело. Они зажгли сигареты и немного помолчали.

– Я смотрю, ты постоянно с ним пересекаешься, – сказал Хитальченко.

– На кой бы он мне нужен был. Урод этот. Ты прав, судьба сталкивает меня с ним с завидным постоянством, – ответил Сергей. – Теперь появилась возможность досадить ему.

– Думаешь закрытие копанки по нему сильно ударит?

– Да мне неважно. Сам же здесь живет и гадит в своем родном городе. Не понимаю я таких.

– А что тут понимать? Для них деньги важны, у них нет Родины. Думаешь, город имеет значение для семеницких? У них квартиры в Киеве и за границей. Что им до этих подыхающих городков? Надо выжать побольше, пока те совсем не загнулись. Это их логика.

– И для пиара откроют пару домов и площадок. Благотворители гребаные. Пыль в глаза пускают. Чтob их. В статье я пройдуcь по нему.

– У тебя нет достоверной информации. Может в клевете обвинить.

– Да и пусть. Сошлюсь на свои источники. Мы ведь можем не раскрывать их. Подпорчу ему репутацию. К тому же, скоро выборы в областной совет. И, насколько я знаю, Семеницкий туда пролезть хочет. Зацепиться есть за что. Глядишь, в облсовете будет меньше нечисти.

– Скажи, это все из-за Карины?

– Нет, она ни при чем. Всему причина – озеро, ставок этот, люди, которым это место важно, Худобин. Ну, а ненавижу я его – да, из-за Карины. Но сейчас это к делу не относится.

Начал накрапывать небольшой дождик. Тьма стгуцалась над селом и городком. Пора было собираться.

– Все-таки, мы делаем правильное дело. Посмотрим, может получится, – подытожил Саша.

Они зашли в дом и позвали своих товарищей. Те быстро допили чай и вышли. Геннадий Васильевич провожал их. Сделался он почему-то грустным.

– Ну, держите нас в курсе того, что тут происходит. И мы вам сообщим, если чего-то удастся добиться, – прощался Сергей.

– Да, хлопцы. Приключений вам старик подкинул. Но это наше дело, каждому свое, – бубнел Худобин. – Вы приезжайте, если что.

– Хорошо, до свидания.

Журналистский десант погрузился в машину и умчался в Луганск. Старик еще долго смотрел им вслед, о чем-то переживая, предчувствия плохие стали мучить его.

Сергей работал над статьей весь вечер. Писал язвительные пассажи в адрес властей под дробь капель за окном. Он чувствовал свою значимость, свою правоту и веру в дело. Журналист снова был доволен проделанной работой, постоянно переписывал и переделывал свой материал. Утром в редакции написание и совершенствование статьи продолжилось. Парень был уставший и не выспавшийся. В обед позвонил Сашка и сказал, что сюжет выйдет в ближайшем выпуске новостей. Сергей включил редакционный телевизор, он хотел посмотреть, какой «боевик» удалось снять оператору. Ну и хотел увидеть, как сам он смотрится в кадре. Сюжет получился отличный, редактор краем глаза тоже увидел по телевизору его и похвалил Сергея. «Хорошо, сейчас я доделаю свою разгромную статью в этот номер. Она будет более развернутой», – радовался он.

На следующий день вышел свежий номер газеты с большим материалом Сергея Литвинова на полторы полосы. Ему казалось, что все идет отлично. Должен появиться большой резонанс, чем в прошлый раз.

Но дальше началась черная полоса...

Сергей после работы пошел прогуляться в центр города, он курил одну сигарету за одной, смотрел на появляющиеся звезды, слушал приятный гул машин, людское щебетание. Забрел в небольшой скверик в центре. Молодежь занималась своими ежевечерними необязательными делами.

На мобильный позвонили. Журналист не посмотрел кто это, а сразу взял трубку и услышал негромкий злобный голос:

– Ты зря заварил эту кашу, сопляк. Тебе не поздоровится, звезда телеэкрана...

Сергей среагировал моментально, он быстро искал в настройках диктофон, хотел записать угрозы в свой адрес.

– Так что будешь теперь расхлебывать, – и услышал гудки.

Записать он ничего не успел. Посмотрел на дисплей телефона – номер не определился. Вот лажа. Инстинктивно Сергей осмотрелся вокруг. Несколько компаний в дружном гуле перекидывались матерными криками, бомжи рылись в мусорках, попрошайничали. И никого подозрительного. Да и откуда им здесь взяться. «Вряд ли за мной следят», – подумал он.

Серега все же разволновался. За всю его недолгую карьеру в журналистике с ним не происходило подобных ситуаций. Он резкими движениями достал пачку из узкого кармана джинсов и закурил, после чего начал тереть виски – разболелась голова. Через несколько мгновений он пришел в норму, избавившись от волнения. «Наше дело – правое», – успокоил себя журналист.

Затем набрал Сашку:

– Тебе никто не звонил?

– Нет, ты вот звонишь. А кто должен?

– Да так. Ты еще на работе? Подходи к «журавлям».

– Что-то случилось?

– Ну как тебе сказать. Только что я получил свою первую угрозу за профессиональную деятельность. Это надо обмыть! – Сергей старался говорить спокойно, но Саша уловил в его голосе тревогу.

– Хорошо. Я как раз выхожу с работы.

Наваливающаяся темнота приносила тревогу, деревья шуршали листьями, будто перешептывались и обсуждали услышанную новость. Городские огни заменяли солнце, завладевали городом на правах арендатора.

Легкая походка Хитальченко немного раздражала неуместностью в данной ситуации.

– Ну, чего там стряслось?

– Да позвонили с неизвестного номера. Угрожали. Сказали, что вляпался.

– И что? Не переживай. В нашей профессии такое может быть. Периодически случается. Всякие сумасшедшие звонят.

– В этом-то и проблема, – угнетенно сказал Сергей. – Они точно не сумасшедшие. Поэтому непонятно еще, кто опасней.

– Пойдем пройдемся. Успокойся, все будет нормально. Хочешь, в милицию сообщи.

– Да они наплюют и пошлют... Ты же знаешь, они преступления не предотвращают. Плохое у меня предчувствие.

– Не нагнетай, Серый. У страха глаза велики. Ничего тебе не сделают.

В этот вечер никто из друзей не спешил домой. Они бродили по прямым улицам, спустились к колесу обозрения и вышли на разваливающийся мост. Внизу протекала река, которая дала городу название – Лугань. Извилистой сверкающей змеей она проползала под ногами и устремлялась вдаль.

– Моя жизнь – это Луганка, – задумчиво произнес Сергей. – Такая же мелкая, замусоренная, медленная и бессмысленная. Я всегда завидовал тем, кто живет у большой воды –

Нева, Волга, Дон. Какие замечательные города стоят на них. А здесь что? Вот и жизнь у людей такая же – бесперспективная, пересыхающая. Загнивающая провинция.

– Раньше и по нашей реке ходили пароходы, – парировал Саша. – Смотри, какие берега высокие, вода туда доходила, – от реки несло прохладой, запахом тины и застоявшейся воды, которая напитала землю, превратив ее в болотце, пожухлые стояли камыши. – А куда впадает Луганка? В Северский Донец, который, в свою очередь, впадает в тихий Дон. Поэтому не надо тут ля-ля.

Сергей повернулся к проезжей части, поправил куртку. Смотрел на проезжающие авто, наслаждаясь разноцветными оттенками огоньков. Он снова достал сигарету.

– Всякое бывало, – сказал. – И стычки, и драки, и звонили всякие. Мне плевать было. Я и теперь не боюсь. Просто тревога какая-то. Одно дело пьяная драка, сейчас же совсем другое. Там, где замешаны деньги, может случиться, что угодно.

– Я согласен с тобой. Я тебя прикрою. Все нормально будет. Я бы посоветовал тебе обнародовать эту информацию, о том, что тебе угрожали. Мне кажется, их это заставит чуть притормозить.

– Да кто их знает. Ходят в костюмах, а на деле – все отморзки. Такие могут и не остановиться.

– Правила игры давно поменялись, – попытался обнадежить Саша. – Журналистов вообще стараются не трогать.

– Вот именно, что немного поменялись. Бабки и связи решают все. Во все времена так было, наверное, – окурок выкинул в реку. – Ладно, надо на восток к себе ехать, а еще до остановки пилить долго, отсюда ничего не идет. Давай, до встречи.

Друзья крепко пожали руки и разошлись. Сергей шел мимо старого городского парка, находившегося по левую руку, за спиной осталась спокойная и мелкая речушка, которая своими последними водами питала жизни проживающих в безвременье. Парень кутался в серую ветровку, прохладные быстрые порывы неприятно били в лицо. Ему было одиноко и противно. Он не мог объяснить почему именно. Наверное, из-за несправедливого устройства жизни. Люди часто жалуются на несправедливость. На самом же деле она существует и является более реальной, чем этот светофор, ржавеющая маршрутка или покосившийся некрашенный забор. Человек просто настолько мелок, что не может видеть все многообразие связей, он воспринимает события отрывочно, не связывая их с прошлым и будущим.

Накрапывал дождик. Сергей ненавидел зонты, никогда не пользовался ими. Волосы медленно покрывались капельками, уподобляясь зеленой траве поутру. Долгая дорога домой. Он подошел к остановке, оглянулся, ожидая увидеть автобус, но его не было видно. Тогда Литвинов решил продолжить путь в одиночестве. Даже курить не хотелось. В очередной раз душу охватила апатия. Внизу возле парка культуры купил теплый кофе и, снова убедившись в отсутствии маршрутки на остановке либо на подходе к ней, продолжил идти в сторону областного музея. Там он немного задержался, вытер мокрое от дождя лицо и посмотрел на склоны Камброда. Что бы ни говорили, а город ему нравился, он все равно любил провинцию, потому что она приносила спокойствие, избавленная от суеты.

Он продолжал путь вдоль трамвайных линий, место многоэтажек занял частный сектор, темный, без света в окнах. Сергей даже ни о чем не думал, просто ловил и отпускал обрывки мыслей, играл в пинг-понг со своим разумом. Не заметил он, как с одной из боковых улиц выскользнули три силуэта. Парень не обратил на них внимания, темнота уже накрыла город, а непогода делала его еще черней, замазывая улицу неосязаемой сажей.

– Есть закурить?

Сергей не понял, что обращались к нему.

– Сигареты есть, пацан?! – более настойчиво окликнули его.

Журналист повернул голову направо и увидел высокие фигуры. Ему почему-то показалось, что на обычную шпану они не похожи, молния на мгновение осветила прямые дома и улицы. Рядом стояли спортивные и здоровые луганские хлопцы.

Сергей все понял, но с какой-то заторможенной обреченностью. Видимо, именно такой исход ситуации он и ожидал. И что теперь делать? В этот момент Литвинов предпочел бы оказаться пьяным. Во-первых, так вообще на все плевать и чувствуешь себя супергероем. Во-вторых, не чувствуешь боли.

– Тупой или глухой?

Как поступить? Может он себя просто накрутил и обычная молодежь слоняется вечером по району и прикалывается? Тогда Сергей медленно продолжил свой путь, не отвечая ничего. Но тяжелая рука легла ему на плечо. И решил наш журналист воспользоваться самым древним методом сражения с врагом. Он резко повернулся и левым кулаком ударил туда, где должна была находиться голова противника. Действительно попал, скользнув костяшками по скуле.

– Ах ты..! – закричали друзья того, который получил удар.

Журналист в этот момент уже мчался по ночной улице прочь от злосчастливого места. Он слышал, как по лужам прыгает его погоня. Дыхание быстро начало перехватывать, а уставшие под конец дня ноги отказывались увеличивать скорость. Его настигали. Сергей чувствовал как огромные лапы спортсменов хватили холодный воздух, в надежде поймать обидчика. Кулаки противников вовсю готовились ко встрече с его лицом. Литвинов понимал, что он далеко не спринтер или марафонец. Сидячая, в основном, работа. Откуда физические нагрузки взять? «Интеллект, их надо побороть интеллектом», – проскочила шальная мысль. Но как? Удариться головой об их ноги? Нет, так интеллектом точно не распоряжаются мудрые люди. Дыхание перехватывало, в этот же момент удар справа изменил траекторию бега, и Сергей, пытаясь бороться с инерцией, споткнулся и упал прямо на трамвайные пути, ударившись при этом головой. Бурю неприятных ощущений почувствовал журналист. Ему показалось, что раздался такой хруст, при котором ломают грецкие орехи. Бычки уже стояли над ним, предварительно несколько раз ударив ногами по ребрам и спине.

– Че ты творишь, урод? – возмущались они.

Собираясь с силами, преодолевая чудовищную боль, Сергей простонал:

– Идите на хрен. И Семеницкому передайте.

– Кому? – не поняли спортсмены. – Какому Семеницкому? Че ты несешь, придурок? Мы покурить хотели, а ты кинулся на нас!

– Он головой сильно ударился, уже не соображает ни черта, – сказал тот, которому Сергей заехал в челюсть. – Блин, пацаны... Валим отсюда!

Сергея не понял этого их хода. Что произошло? Почему они ушли? Он приподнялся на локте, ему казалось, что все нормально. В ту же секунду он почувствовал головокружение и тошноту, после чего его вырвало. В таком состоянии его заметили прохожие. Большинство, как обычно, подумали, что парень нажрался водки или что там пьет нынешняя молодежь, и прошли мимо. Но какой-то благородный путник в ночи вызвал скорую помощь.

Врачи диагностировали сотрясение мозга. Сергея доставили в больницу. До утра он мучился от боли, голову ему перевязали, из нее несильно сочилась кровь. В начале рабочего дня медики ему сделали все необходимые анализы – взяли кровь, просветили рентгеном. Ничего серьезного не обнаружили. Врачам соврал, сказав о том, что попросту подскользнулся и упал. В результате милиции никто ничего не сообщал.

В больнице всегда какое-то тяжелое ощущение накатывает, когда видишь таких же больных. У Сергея ныли ребра, болела поясница. Родители естественно примчались проведать, привезли всяких вкусностей и книги. Болевшей головой журналист пытался осмыслить читаемое, что ему удавалось с переменным успехом. Становилось легче, боль уходила с тикаю-

щими стрелками часов, молодой организм быстро восстанавливался. Похмелье драки отступало. Через несколько дней приехал навесить друга и Саша.

– Как самочувствие? – он был серьезен.

– Скоро выпишут. Так что хорошо.

– Что произошло с тобой? Кто напал?

– Эх, кабы знать. Я после нашего разговора был морально выжат. Шел по темным аллеям и ничего не соображал. И показалось мне, что это Семеницкого люди меня выследили. Я одному врезал и сразу сваливать, только они догнали. Я передал привет борову, но они ничего не поняли. Матерились, что я, мол, сам накинулся. А они покурить просто попросили. Короче, Саня. Мутная история. Может, я сам лохонулся.

– То есть, ты хочешь сказать, что это просто стечение обстоятельств? Ты накинулся на трех быков и отхватил от них?

– Скорее всего, именно так все и было.

Сашка взорвался смехом. После продолжительного хохота, он потер скулы.

– Ну ты даешь, брат. Такое могло быть только с тобой. Знаешь, что у страха глаза велики.

– Да какой страх... Ситуация просто подходящая была. Сам бы ты что сделал?

– Я представляю удивление пацанов, когда они шатались себе спокойно, попросили покурить, а какой-то отморозок-одиночка, к тому же журналист, но этого они не знали, кидается на них с кулаками, а потом драпает.

– Давай, смейся. Никто не застрахован от таких курьезов после звонков с угрозами.

– Вот именно! – веселился Хитальченко. – Теперь превратишься в параноика, будешь уходить от слежки, устраивать перестрелки. Хохоту будет среди коллег.

– Не болтай никому, – сердито буркнул Сергей.

– Нет, брат, прости. Этого я обещать не могу. Такие истории становятся городскими легендами, фольклором в нашей, журналистской среде.

Ребята не знали, что шутить по этому поводу рано. Человек, будучи существом эгоцентричным, все примеряет на себя, считает себя пупом земли. И с этим ничего не поделаешь. В то время, как Сергей по большому счету напрасно опасался за свое здоровье, пострадал зачинщик всей этой истории – Геннадий Васильевич. Люди Семеницкого решили припугнуть журналиста, который сунул нос не в свое дело. Тем не менее, корреспондентов трогать было запрещено. А вот со стариком Худобиным местные воротилы решили расквитаться.

В день, когда Литвинова выписывали из больницы, Геннадий Васильевич пошел на сборы своего рыболовного клуба, проходившегося в доме у одного из членов организации в соседнем селе. Там старики трепались о рыбалке и жизни, пили чай, а кто хотел – чего покрепче. Уже под вечер Худобин вышел во двор своего товарища и попрощался с единомышленниками. Он сел на велосипед и покрутил педали в сторону своего дома. И чувство тревоги снова завладело им. Старик не мог объяснить, почему так происходит. Проехав километров пять, Васильевич оказался на бугре перед своей деревней. В километре от этого места, если поехать направо, все еще дышала злосчастная копанка. Худобин с высоты холма заметил неладное. Вдалеке красные сполохи поднимались к небу, ветер принес запах дыма. Старик проклинал свое предчувствие, он уже догадался в чем дело. На метафизическом уровне рыболов-любитель чувствовал, что горит именно его хатка. С тройной скоростью покрутил педали заржавевшего велосипеда. В считанные минуты Геннадий Васильевич оказался перед своим двором, за воротами которого бушевал огонь. Открыв высокие ворота, старик увидел лишь догорающие обломки жилища. Спокойные, но горькие слезы стекали по его морщинистым щекам на воротник потертой телогрейки. Пенсионер упал на колени и схватился за голову.

* * *

Ранним утром Сергею позвонили на мобильный. Он даже не открывая глаза ответил на звонок.

- Здравствуй, Сергей. Это Худобин...
- Доброе утро. Как вы?
- У меня беда стряслась, парень.

С неимоверным усилием разлепил веки и встал с кровати. За окном утро встретило его не приветливым солнцем, а громом и молнией.

- Да, говорите. С вами все в порядке?
- Мой дом... Они сожгли мой дом...
- Что? Вы не пострадали? Вас не тронули? Я приеду. Сейчас выезжаю.

Быстро умывшись, Серега оделся и выбежал в прохладу осени под вечно морозящий дождь. Он винил себя в том, что произошло со стариком. Он постоянно во всем винил именно себя. «Это называется доигрались, – думал журналист. – Эти сволочи ни перед чем не остановятся. А я еще за себя переживал, дурак! Худобин был в опасности, а не я. Что бы они мне сделали? Только угрожать и могут. Но кто защитит одинокого пенсионера? Дурак, какой же я идиот». Он набрал Сашку и сообщил ему о случившемся. Затем предупредил редактора, что появится на работе позже.

Настроение было таким же паршивым, как и погода.

Геннадий Васильевич бродил по почерневшим развалинам халупки. Видимо, искал сохранившиеся вещи. Но ничего не было.

- Как вы?
- В пожаре погиб мой кот, – с горечью ответил старик. – Сергей, почему у людей не осталось ничего святого? Почему они это делают? – слезы стояли в глазах пенсионера.
- Не знаю, – журналист отводил глаза, ему было очень стыдно. Хотя в чем он был виноват?
- В безбожное советское время у людей было что-то святое. А сейчас все подменили. Все понятия. И подменили только одним – деньгами.
- Чем я могу вам помочь? – слова застревали в горле.
- Да чем?
- Где вы жить будете? Я сейчас подумаю, куда вас можно пристроить. Я знаю директора колледжа. Там общежитие есть, я договорюсь, чтобы хоть на время вас бесплатно там поселили.
- За это не переживай, я не пропаду. У меня сестра младшая живет в соседнем районе. Она давно звала к себе доживать, да мне жалко было мой дом бросать. А теперь и его нет, одни угольки... Не в домах дело, Сергей. Не в них. Я ни о чем не жалею. Я только хотел пруд спасти, людям добро сделать. Что в итоге? Кому это надо? Почему мы так изменились за эти двадцать лет, куда ушла порядочность и честность? Не о власти речь. О рядовых людях.
- Я доведу это дело до конца. Здесь не будет копанки и дети смогут отдыхать на озере. Это не напрасно.

– Напрасно, в этом-то и штука. Этот мир могут изменить только страшные события. Но и тогда суть его останется прежней. Справедливости нет.

Журналист через силу достал фотоаппарат, ему не хотелось делать снимки этого пожара, это казалось противоестественным. Проклиная себя за необходимость фотографировать в тот момент, когда у человека горе, Сергей жал на кнопку. Он снимал не остатки обгоревших черных стен, не пепел, когда-то бывший дорогими сердцу старика вещами. Он запечатлевал последствия решений ставшего на путь борьбы человека, отстаивающего справедливость в ее неискаженном, чистом смысле. Пенсионеров, прошедших через поле жизни, уже нельзя сломить, поскольку дух их необычайно силен, они родились в войну и помнят ее, всю жизнь хранят в генах память о страшных событиях, которые еще успели застать. Поэтому сожженный дом – мелочь. Их нельзя сломить, но можно свести в могилу.

Новый материал, целиком посвященный Худобину и вedomой им борьбе, получился отличный. На первой полосе газеты красовалась цветная фотография – старик сидел на обго-

ревшем острове своей хибары. Конечно, Сергей делал осторожные намеки на виновников трагедии, писал про «высшие силы, стоящие над официальной властью в районе» и прочую ерунду. Третья публикация, уже косвенно касавшаяся незаконной добыче угля, вызвала широкий резонанс, особенно в Красноградском районе, и даже среди областного руководства. На проблему обратили внимание высокие чиновники во главе с губернатором. Видимо, была дана какая-то отмашка, потому что Литвинова позвали на ток-шоу, где обсуждались экологические проблемы региона. Худобин не пришел, видимо, это было выше его сил. Сергею позволили сказать всего несколько слов насчет копанки и судьбы старика.

Но это было неважно. На этой программе присутствовал и главный экологический инспектор, обещавший заняться проблемой. Журналист знал, чего стоят такие обещания от чиновников. Однако через несколько дней он с удивлением узнал, что экологи действительно взялись за дело. Они пригнали экскаватор и зарыли злосчастную яму. Втык получили и районные власти, продолжавшие бездействовать.

И Сергей обрадовался, что проблема решена. Он позвонил Геннадию Васильевичу, чтобы отчитаться о проделанной работе. С тревогой узнал, что старика сильно подкосило на нервной почве и он находится в больнице на лечении. Так радость победы снова была омрачена.

Вечером они встретились у Сашки дома. Взяли несколько литров разливного пива и две пачки чипсов. За окном зажигались фонари, в квартире было пусто и одиноко без Насти, уехавшей на время к родителям. Атмосфера была самая подходящая для откровенной беседы.

– Кажется, история закончилась, – торжественно сказал Хитальченко. – Так выпьем же за историю, царицу всех наук!

– Вообще-то, этот титул у математики! – заметил Сергей.

– А какая нам разница? Нас, имперцев, хлебом не корми – дай выпить за царей и цариц. А кто там сейчас – все равно.

Они осушили по бокалу, через минуту хмель ударил в голову. Мир сразу стал чуть проще и приветливей, все проблемы показались не такими уж и важными.

– Старика жалко. Единственный герой в этой истории, – стукнул кулаком по столу Сергей.

– Да, согласен. Хотя, может мы с тобой были пешками в руках безумного рыболова-любителя, который играл свою шахматную партию против местного олигарха... – шутил Александр.

– Хорош тебе ерунду молоть. Надо помочь Худобину, сбор средств организовать. Глядишь, небезразличные люди и помогут.

Дождь противно барабанил по металлическим карнизам, создавая раздражающую нервы какофонию природных звуков. Обычно, Сергею нравилось все это, но не сегодня.

– Как я устал. Слишком насыщенной была последняя неделя, – потупил взгляд Сергей. – На море бы.

– Что там делать сейчас?

– Какая разница – лето или осень. Море всегда остается морем, красивым и бескрайним, с чарующими и завораживающими волнами. Как хочу я снова увидеть Севастополь и древний Херсонес. Вот там энергией заряжаешься.

– А я бы с удовольствием потерялся на вечерних киевских улицах, спокойных и величественных, где в воздухе витает атмосфера истории. Там почему-то нет ощущения, что огромный город подавляет тебя, наоборот, каждая незнакомая улочка кажется знакомой и родной.

– Мать городов все-таки. Давай еще выпьем за победу. Пусть небольшую или даже ничтожную, – восторженно крикнул Серега. – Плохо, что мы толком ничего и не изменили в общем раскладе. Семеницкий и дальше будет заправлять районом, ломать чужие судьбы. Но мы не остались в стороне, мы спасли это треклятое озеро, Васильевич спас, оплатил счет своим сгоревшим домом.

– Знаешь, мне кажется, что он знал, на что шел, – хмыкнул Саша. – Ощущение есть такое. Есть сорт людей, которые готовы идти до конца, если верят в это, даже собой могут пожертвовать. Вот Худобин именно из таких людей.

– Нашим старикам мужества не занимать, это уж точно.

И с хмурыми, даже траурными лицами, друзья еще раз выпили за победу.

– Почему-то победа не радует, чувство такое, будто проиграли, – сказал Сергей. – Отвратно на душе.

– Не радует потому, что нам с тобой не под силу изменить мир. Потому что у нас все победы такие – со слезами на глазах! – завелся Сашка. – Мы себя изменить в лучшую сторону не можем, курить никак не бросим. Куда нам систему ломать?.. С какой коррупцией бороться? Это все сказки для детей. Нам именно это и остается – выгребать по чуть-чуть дерьмо с каждого дома, писать о проблемах свои ничтожные статейки и надеяться, что эти коррупционеры во власти обратят внимание на них и соизволят исправить. При этом быть презируемыми всеми, ведь мы – продажные и лживые, снимаем сюжеты по заказу, обливаем грязью по указке, превозносим с чувством отвращения внутри.

– Все, не грузи, – отхлебнул пива Сергей. – Знаешь, я недавно кое-что понял, одну из самых важных вещей, одно из основополагающих правил.

– Ну и? Не томи душу.

– Жизнь нужно прожить так, чтобы никому не сделать зла. Я имею в виду, большого зла... Ну, грубить в маршрутках и ругаться матом в очереди можно.

На этих словах оба засмеялись, разговор пошел в шутовском русле. Тяжелое неопределенное чувство внутри стало проходить с увеличением количества выпитого алкоголя. Друзья обсуждали компьютерные игры, вспоминали свои любовные похождения, делились планами на будущее. Сашка хотел взять подержанную машину, потому что Настя настаивала, а Сергей мечтал, чтобы прошла голова, которая все болела после травмы.

* * *

Справедливость – явление намного более неизведанное, чем призраки, инопланетяне и бургеры из Макдоналдса. Одни утверждают, что ее не бывает, что понятие это выдуманно людьми для успокоения. Иные говорят, что справедливость неотвратима и преследует по пятам, наказывая за каждый неверный шаг и поступок. Сергей придерживался мнения, что люди просто не в силах увидеть всю многогранность этого мира, чтобы понять взаимосвязь, почему один человек получает желаемое, а другой – нет.

В начале ноября случились первые заморозки. Земля затвердела после обильных октябрьских осадков, покрылась серебристой пленкой, сверкающей на солнце, морозный воздух мягко и приятно проникал в легкие, желудок холодило и хотелось есть, степные ветра перестали терзать город на короткое время. Погода чудесными видами за окном звала прогуляться. У Сергея был выходной, он валялся до обеда, читал о войне, чистил компьютер от ненужных файлов, пересматривал старые фотографии. Во второй половине дня захотелось побродить по знакомым с детства восточным кварталам. Он напялил шапку и легкую ветровку.

Улица встречала еще ярким, но уже почти не греющим солнцем, запахом канализации, доносившимся из подвала, сломанной лавочкой и гигантскими тополями во дворе. Тополи хороши осенью и зимой, когда с них не летит пух, а в конце мая эти замечательные деревья, видимо, чувствуют себя овцами и дают свою специфическую шерсть людям. Серега шел дворами, где жили многие его знакомые, мысленно передавал всем привет. Вышел к трамвайным путям и пошел вдоль них, радуясь свежим, как воздух, мыслям, строчкам стихов, для которых всегда не находилось блокнота и ручки. «То, что не пишу, граничит с гениальностью», – вспомнил Литвинов отрывок стиха, который слышал в универе. В чистом небе метались стаи птиц, будто не могли определиться – улететь им или остаться.

Впереди ждали снегопады, по народным приметам зима должна быть холодной и затяжной. Скоро новый год, праздник детства, потерявший свое значение теперь. Никаких подарков под елкой и никакого таинства. Последние годы Сергей считал приход весны началом нового года, но был вынужден подчиниться общепринятым правилам. Впереди ждало темное небо и вечная ночь, уже не будет желтых листьев и приятных пейзажей, лишь холодная пустота заснеженного урбана, прикрывающаяся заводами и пускающими дым трубами.

Начинались тихие донбасские сумерки. Дворики и улочки вывели в оживленный район рынка, где расположились сразу несколько питейных заведений. Сверкали дорогие рестораны, припаркованные иномарки казались бриллиантами в короне; несло мочой и неизвестно чем еще от забегаловки, из которой невозможно было уйти не ограбленным. Родной город, родные кварталы. Длинная дорога с выбоинами и трещинами манила за собой. Высокие желтые фонари исполинами следили за проезжей частью...

Слева послышался визг тормозов и глухой удар. Сергей оглянулся и увидел джип, в нескольких метрах от него лежал человек в неестественной позе, по длинным волосам стало понятно, что это девушка. С противоположной улицы бежал мужчина, он преградил путь джипу. Только сейчас Литвинов понял, что автомобилист пытается скрыться, сдавая назад и выворачивая руль по направлению поворота. Журналист растерянно смотрел на происходящее, все двигалось будто в замедленной съемке. Еще несколько человек подбежали к машине, не давая ей уехать. Водитель то отъезжал назад, то пытался наехать на окруживших его людей. Какой-то мужчина склонился над девушкой, внезапно он поднял голову, его взгляд остановился на Сергее. Он начал что-то кричать и только через мгновение Литвинов вышел из ступора и понял, что зовут его. Заторможенность резко как рукой сняло, он подлетел к мужчине склонившемуся над телом и начал помогать ему оказывать первую помощь пострадавшей. Она еще дышала. Вызвали скорую помощь и милицию, которые быстро оказались здесь.

И дальше начало происходить что-то невообразимое. Откуда-то сходились люди, пряча лица под капюшонами, словно паломники они подходили к месту трагедии, обступали джип, милицию и скорую помощь, молчали до поры до времени.

– Да я видел этого уроды! – вдруг закричал один из толпы. – Он в баре сидел и бухал.

В этот же миг в толпе начались возгласы негодования. Все орали на виновника ДТП, который не выходил из своего автомобиля, даже окно не открывал, чтобы пообщаться с правоохранителями. Недовольство росло, атмосфера накалялась. На асфальте в темной осенней ночи умирала молодая девушка. Умирала на глазах Сереги... Врачи погрузили ее в скорую и уехали. Однако тут же подросла вторая. «Зачем?» – подумал парень.

Только теперь он посмотрел на водителя. По телу прошла дрожь, когда он узнал в нем Семеницкого. Смотрел в его лицо сквозь мелькавшие головы и не мог отвести взгляд. Удивительным образом тот почувствовал, что кто-то из толпы пристально наблюдает за ним и взглядом нашел Литвинова. Они долго глядели друг другу в глаза, никто не отводил взгляд, чтобы не показать слабость. Много чего было в этих переглядах – вся история их противостояния, начиная от Карины и заканчивая сожженным домом Худобина. И вот новая, случайная жертва, невольница обстоятельств. Жизнь покидала тело девушки. Сергей твердо смотрел в глаза Семеницкому. И до того упорно, что все вокруг начало растворяться, как по велению волшебной палочки. А затем на щеках его заклятого врага появились слезы. Литвинов продолжал смотреть сурово и безжалостно, этим он выносил свой собственный приговор – нет прощения тебе, красноградский князь. Сколько веревочке не виться, а все равно конец будет. Семеницкий прикрыл глаза ладонью. И только тут Серега понял, что на его собственных щеках холодом жгут мокрые линии.

На месте происшествия собралось много народу, не меньше ста человек, которые набегали из ближайших баров, квартир и магазинов. Толпа постепенно становилась все более агрессивной. Сергей понимал, что нечто нехорошее может случиться. Интуиция его не под-

вела, в глазах людей читался бунт, ярость. Они не хотели отпускать виновника аварии, как милиция ни уговаривала, как ни обещала посадить злодея. Народ знал все эти обещания, он помнил, как отпускали мажоров и депутатских деток, сбивавших толпы людей по праздникам и будням, как судьи выносили им смехотворно мягкие приговоры. И народ не хотел отпускать, он хотел вынести свой приговор, судить по самому строгому счету. Джип начали раскачивать, горстка ментов не могла противостоять такому количеству горожан, поэтому вызвали подмогу, при этом пытаясь не довести до самосуда. В скором времени подъехало подкрепление, сотрудники «Беркута» ловко всех оттеснили от машины, сами взяли ее в кольцо, скрепив руки и став лицом к толпе.

– Кого вы защищаете!?! Убийц! – кричали одни.

– Никого не защищают, это их работа! – отвечали другие.

– Успокойтесь. Его накажут, мы все доведем до суда, – басом голосил невысокий крепкий мужик в форме. – Не делайте хуже.

Парень рядом с Сергеем поднял небольшой камень и кинул в людскую гущу, где находилась машина. Несколько человек повторили его действия. Лобовое стекло джипа покрылось паутиной, послышался резкий металлический звук.

– А ну все назад! – дико заорал мужик в форме.

И сотрудники милиции начали жестко оттеснять окруживших их людей. Никого не били, максимум – заламывали руки, но тут же отпускали после пинка под зад. Действовали очень слаженно и профессионально, пытались тушить агрессию горячих голов. Да люди и сами не воспринимали «беркутовцев» как врагов, но очень уж им хотелось добраться до трезвеющего водителя и спросить с него по полной.

Сергей стоял в стороне и курил. Снежинки плавно ложились на шапку и куртку. Внутри обрывалась и рыдала душа. Непонятно, что сдерживало его. Никогда еще никто не умирал на его руках. Ее лицо запомнилось на всю жизнь, на нем читалось непонимание. Журналист взглянул на ненавистный джип, он надеялся, что местный олигарх получит свое. Наверное, зря надеялся.

После двух часов противостояния толпа все же расступилась и пропустила машину милиции, в которую усадили красноградского депутата.

Сергей следил потом за развитием этой ситуации. После суток борьбы за жизнь, девушка скончалась. После короткого суда Семеницкий получил два года и семь месяцев. Но лишился он гораздо большего – у него отобрали район, пришли другие люди и поделили бизнес.

– Считаешь, он получил по заслугам? – спрашивал Сашка.

– Нет, не знаю. Я не судья... Но Бог шельму метит.

– Хочешь напиться? Пойдем ко мне посидим?

– Нет, спасибо. Я, наверное, лучше в храм схожу.

Дым революции

*Народ бунтует не от стремления взять чужое,
а от невозможности сохранить свое*
Эдмунд Берк

Напряженная, но мирная обстановка в Луганске изменилась 22 февраля четырнадцатого года – в этот день прозвучали первые выстрелы. Провокацию организовали братья Серпокровы, члены партии Виталия Кличко. Можно сказать, что именно в этот день и началась консолидация жителей города, названная в последствии «Русской весной». Возле областной администрации на тот момент уже стояли палатки, а район патрулировали казаки.

Мы с Леной были в гостях у Костика и Елены тем вечером. Кто-то из коллег позвонил мне и сообщил о волнениях в центре. Посовещавшись, мы с Костей решили отправиться туда, предоставив наших помрачневших дам самим себе. Домчались на машине к администрации быстро. В темных аллеях сквера собрались группы людей, народу – вагон и маленькая тележка. И новые все продолжали прибывать.

Прошлись вокруг, стали перекурить и послушать, что говорят люди. Все чего-то ждали. Ходили упорные слухи о том, что в город заехал «Правый сектор», что они будут штурмовать Луганскую администрацию. И люди вышли ее защищать или, как минимум, увидеть происходящее своими глазами. Многие парни держали палки и дубины, а лица их скрывали медицинские повязки. Все решительно настроены. Из-за высокого напряжения тут и там возникают словесные перепалки, выяснения отношений и споры.

Позвонили коллеги, спрашивали, что происходит, переживали. Именно 22 февраля законного президента Украины отстранили от власти. Начиналась смута. С самого начала было ясно, что Донбасс не примет переворот. Заявления, звучащие из уст прозападных марионеток по поводу русского языка, красной тряпкой маячили перед нашими глазами. Они разжигали ненависть к себе, целенаправленно и планомерно. Приди они с другими лозунгами, все могло бы сложиться по-другому. Но им нужна была война. Однако в тот холодный февральский вечер я об этом не задумывался.

Многие забыли этот эпизод, другие намеренно замалчивают. А ведь в Луганске, по-большому счету, с него все и началось. И провокация сработала. Люди стали выходить на улицы. Не бюджетники, студенты и прочие, которых заставляет начальство. Запрос на справедливость достиг своей критической точки.

Вернулись с Костиком почти в полночь.

* * *

С этого дня у меня, фактически, не было выходных. Началась череда митингов и акций протеста. Я посещал как пророссийские митинги, так и проукраинские, стараясь объективно освещать происходящее в городе.

Усталость не проходила, работать я начинал с раннего утра дома, днем – в редакции, а вечером доделывал оставшиеся задания и материалы.

Я уже засыпал, когда позвонил Костя и сказал, что, по слухам, сегодня ночью новые власти планируют разогнать палаточный городок возле здания областной администрации. И его просили приехать, чтобы создать массовость, не дать разобрать палатки. Я собрался, взял фотоаппарат и диктофон, встретились возле подъезда, жили мы рядом, и пошли на стоянку за машиной. По пути в центр города заехали к нескольким его знакомым парням.

– Слушай, – говорю. – Чтобы расставить точки над *i*. Я еду в качестве журналиста, чтобы зафиксировать все, что там будет. Поэтому особо на меня не рассчитывай, я лишь наблюдатель.

– Я тебя понял, хорошо. Если нам проломают головы, ты хотя бы напишешь об этом.

На улице было холодно, одиннадцать часов вечера. Мартовский ветер колот нам лица. Ноги перестали чувствоваться через пять минут после того, как мы вышли из машины. Купили кофе и пытались согреться, в палатки не заходили, постоянно кто-то кому-то звонил, рассказывая затем нам новые слухи. Вот-вот должно было что-то случиться. Должны приехать и разогнать, разбить, разрушить и уничтожить.

Простояли на ночном морозе два часа. В начале второго ночи плюнули на все и поехали домой. Наутро палатки стояли. Атмосфера тревоги и неопределенности стала присуща городу с тех пор. Все ждали.

* * *

В конце марта довелось мне побывать в великом и славном городе – Киеве. Это была вторая моя поездка в столицу Украины. Ехали посетить съезд Партии регионов. График напряженный: утром приезжаем, вечером возвращаемся в родной Донбасс.

Я люблю Крещатик, нравятся мне уютные улицы, за каждым поворотом скрываются необычные вещи. Атмосфера мне пришлась по душе: мегаполис, но спокойный, размеренный. Величие древней истории витает в воздухе.

Сойдя с поезда, делегация из представителей партии и журналистов разместились в автобусах, которые повезли нас в конференц-центр. До начала мероприятия еще полтора часа, на улице холодно. Возле места, где должен пройти съезд, собирается молодежь. «Ну, все, – думаю. – Радикалы и националисты. Сейчас начнутся провокации и беспорядки». От коллег слышу аналогичное мнение. Через несколько минут молодые люди начинают разворачивать флаги Партии регионов. Усмехнулся. Руководство политической силы решило организовать себе поддержку, для красивой картинке сойдет, но после драки кулаками не машут.

Они поделили всю Украину, от Луганска и до Львова, представители и ставленники партии были во всех городах и районах. И в один момент система рухнула. Правящей партией быть перестала и уходила в оппозицию.

Я никогда раньше не был на съездах партий. Читал про знаменитый XX съезд КПСС и развенчание культа личности Сталина. Здесь произошло то же самое. «Партия была заточена под одного человека – Януковича!» – провозгласили с трибуны. Как удобно – можно снять с себя всю ответственность, с бывшего главы государства не спросишь, он уехал из страны. Государственный переворот партия не предотвратила, не сделала практически ничего. И здесь ее самая главная вина – не удержала власть. Из-за слабости этих политиков начало рассыпаться государство. Самое поганое, что никто не думает о людях. Думают о бизнесе и переделе сфер влияния. Я всматриваюсь в эти сытые лица и мне кажется, что я прав. Дальше речь пошла о реорганизации политической силы и выдвижении от нее кандидата в президенты, но это уже малоинтересно. Нет, все-таки интересная штука это партстроительство.

До обратного поезда оставалось пару часов. Я хотел съездить на Майдан Независимости, посмотреть, во что он превратился. Я запомнил его ухоженным, с красивыми цветущими панорамами, бегущими по ступеням фонтанами. А сейчас, говорят, на ней выращивают скот. Во всех смыслах. Однако никто не согласился поехать со мной, а я один не отважился, потому что город знал плохо, в лабиринте метро легко запутался бы. Не успеть на поезд и остаться в нынешнем Киеве – такая перспектива душу не греет.

Скоротал время, гуляя вокруг железнодорожного вокзала. То и дело подходили дети и бомжи, просили дать несколько гривен, жаловались, что с окончанием Евромайдана есть стало нечего. Местность патрулировала бело-зеленая машина, вероятно, вновь образованной Нацгвардии. Ее путь совпадал с моим маршрутом. Я надеялся, что они не выйдут и не станут проверять документы.

Но вся поездка обошлась без эксцессов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.